

ВЛАДИМИР БУРОВ

Стометровка

Владимир Буров

Стометровка

«Издательские решения»

Буров В.

Стометровка / В. Буров — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-853133-0

Стометровка — это часть городской территории от памятника до гастронома, огороженная чугунным витым забором, где растут деревья и кусты, там прогуливаются парочки, а ночью некоторые ищут глухарей. Место находится между двух парков и недалеко от Центрального ресторана. По одному этому, я думаю, можно представить, что происходит в Этом Романи, тем более, рядом находится общежитие с восемью подъездами с широкими открытыми балконами, пригодными даже для танцев, но не только, не только, разумеется.

ISBN 978-5-44-853133-0

© Буров В.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие	6
Часть первая	11
Глава первая	11
Глава вторая	20
Глава третья	28
Глава четвертая	39
Глава пятая	48
Глава шестая	56
Глава седьмая	62
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Стометровка

Владимир Буров

© Владимир Буров, 2017

ISBN 978-5-4485-3133-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Три рекламных фрагмента из Стометровки

– Я прошу вас вернуть мою расческу, – сказал Сильвио. Он просто вошел в банкетный зал и сказал это Абелю.

– Ты мне ее давал? – нагло ответил Абель, – чуть отодвигая еще дымящийся шашлык. Никто его уже не крутил, но, как говорится, не все угли были еще съедены. – Впрочем, изволь, я даю тебе золотой гребень, а ты мне серебряную кружку и изумрудную ложку. Уверю тебя, он стоит того.

Следом за Сильвио в банкетный зал зашла Оля. Прямо с порога, осмотрев сидящих за дымящимся шашлыками гостей Абеля, она сказала:

– Как вы можете жрать это?

– Вы имеете в виду угли? – спросил Ленка Пантелеев. – Знаете ли, это очень полезно.

– От поноса, что ли? У всех у вас понос? Или как?

– Неужели, милая дамочка, вы не в курсе, что состав угля и бриллиантов один и тот же? – спросил Абель.

– Допустим. Что дальше?

– Присядьте, я вам объясню. И так:

– Для производства бриллиантов из угля необходим ядерный коллайдер длиной двадцать семь километров.

– Вам пришло сообщение из будущего? – спросила Оля.

– Нет, чего нет, говорить не буду. Просто... просто я сам там был.

– Вы страшный человек, – сказала с иронией Оля. – Насчет прошлого я еще поверила бы, но по поводу будущего, извините, не могу. Итак, что вы хотели сказать?

– Он хочет сказать, что может без коллайдера превратить уголь в бриллиант, – сказал Сильвио. – Смешно. Честное слово мне смешно.

– Да, – сказал Абель. – Более того, это может делать любой из нас. – Он обвел обеими руками свою группировку.

– Но как?! – сказали хором Сильвио и Оля.

– Как? – переспросил Ленка Пантелеев. – Как накакал!

– Что?

– Да, вот так, друзья мои, – сказал Абель, – нам достаточно сходить в туалет. И все – бриллиант наш.

– Вы хотите сказать, что ваш желудок, двенадцатиперстная кишка, прямая кишка заменяют двадцати семи километровый коллайдер будущего?

– Да. И делается это с помощью вашего, а теперь моего Золотого Гребня. Но не только. Вам он не поможет.

– Вы думаете, мы не сможем есть угли?

– Сможете. Тем более, если вас заставить, – сказал Абель. Но пока что это бесполезно. У вас другой желудок. Более того, у вас еще не те внутренние органы. Но мы будем совершенствовать людей.

– Вы будете выращивать их, как лошадей на конюшне? – спросил Сильвио.

– На лошадях ездят, – сказал Ленька Пантелеев.

– Или пашут.

– У нас люди будут жить хорошо, – сказал Абель. – Более того, это не будет какой-нибудь там кибуц, стадо коров. Каждый будет получать свой бриллиант за работу. Произвел сто – один твой. Более того, если у кого-то получится бриллиант – ну пусть не с кулак, а хотя бы с куриное яйцо даже второго сорта – это уже белый воротничок. Зарплата у него будет намного выше, чем у обычного... Э...

– Сруна, – простодушно сказал Ленька Пантелеев.

– Нет, нет, друзья мои, это творческий процесс, – сказал Абель. – Человек должен понимать, что он делает. Только тогда он может снести бриллиант с куриное яйцо. Возможно даже высшего сорта. Каждый будет иметь домик у моря. Возможность купаться, загорать, кушать красную, даже черную икру, заморские фрукты и, разумеется, они должны будут принимать специальные добавки.

– Уверена, – сказала Ольга, – что просто так ничего не получится. Бриллиант не простая вещь. Иначе они бы не были лучшими друзьями девушек.

– Короче, Склифософский, – сказал кто-то.

– Хорошо, – сказала Ольга. – Уверена, что среди этих добавок, необходимых для производства бриллиантов через ваш человеческий коллайдер, будут радиоактивные вещества. Ну, как в коллайдере.

– Ну, и что? – спокойно сказал Ленька Пантелеев. – Люди, это еще не венец создания.

– Впервые слышу, – сказал Сильвио.

– Ну и напрасно, молодой человек, – сказал один из сотрудников Абеля. – Вспомните войну – если вы на это способны – людей, именно человек первыми запускали на минные поля, чтобы потом могли пройти танки. Не наоборот! Даже танк, следовательно, дороже простого человека. Окей? А уж что говорить про тех, кто может прилететь к нам, так сказать, с Марса.

– Более того, – сказал Абель, – даже в прошлом были существа более ценные, что Хомо Сапиенс. Выдумка, друзья мои, выдумка какого-то авантюриста, что человек лучше всех других существ на Земля. – И он предложил за это выпить. За что, собственно? Не совсем понятно.

О чем говорил Абель и Ленька Пантелеев, ни Ольга, ни Сильвио не поняли. Ибо был подвергнут сомнению постулат:

– Если не я – то, кто же? – Нет, не этот постулат. А:

– Я – потому что больше никому! – Где, где они, те, кто лучше меня? Я не вижу.

– Не думаю, что кто-то захочет питаться радиоактивными отходами добровольно, – сказал Сильвио.

– Увидите, – сказал Абель, – такие будут.

– И как их узнать?

– Хорошо, я скажу вам тайну. Их можно будет узнать по большим ушам.

– Это кто? инопланетяне, что ли?

– Пусть будет так, как вы считаете. Представьте себе инопланетный корабль, вышедший на околоземную орбиту. Уже все, как говорится, приехали. Необходима адаптация. Каким лучше быть? И они, пошарив по Земле лучами, понимают:

– Лучше всего быть генералом. – Окей. На подробные исследования времени нет. Заканчивается этиловый спирт, а может быть, даже метан, которым эти ребята питаются. И они решают, что:

– Обязательно должны быть большие уши. – Ну, как у генералов. Потом часть из них становится генералами, но не все же! Окей. И те, кто стал генералами, устраивают остальных на хорошую работу. Ведь они же свои. А какая работа хорошая? Ну, например, разве плохо жить у моря, или даже просто у воды, читать газету, лежа в этой воде на спине, в своем двух-трехэтажном доме, хорошо кушать, посещать Большой Шлем по теннису, Чемпионат мира по биатлону. Чтобы не перечислять всех спортивно-культурных мероприятий скажу, что это примерно та же жизнь, которую ведут спортивные тренеры республиканского уровня. Нет, я имею в виду не баню, пьянки и показ спортивных соревнований в голом виде, а путешествия по миру, жизнь в лучших отелях, на лучших берегах. А в тяжелое время для них всегда открыт закрытый для других буфет. Ну, практически на уровне претендента на звание чемпиона мира. Как Сильвестр Сталлоне. Ведь, как говорится, не зря же они прилетели сюда с другой планеты. И не их вина, что за время пребывания на околоземной орбите, им не совсем удалось понять, что здесь происходит. Да и мы и сами-то, честно говоря, не очень-то понимаем. Если не сказать больше.

Теперь по делу. Вы хотите получить Золотой Гребень. Давайте сыграем.

– Я не против, – сказал Сильвио.

Играла Олька. Она сказала:

– Сильвио, можно я сыграю? Мне так хочется.

Олька и Сильвио смотрели на реку, но в этот момент Сильвио как раз обернулся. Ему показалось, что у Сантоса хвост.

– Олька! У него хвост!

– Да, мой дорогой, я знаю.

– Это черти?

– Нет. А кто они?

– Обезьяны.

– Обезьяны, – повторил Сильвио, и протер глаза. – Кошмар! Значит, предсказание древних Майя начало сбываться. Не человек произошел от обезьяны, как думал Дарвин, а обезьяна от человека. Поистине это прекрасно.

– Человек деградировал до того, что вместо ума стал совершенствовать мышцы и кожу. И дошел в своем развитии до того, что стал почти пуленепробиваемым. Голова сверху и на затылке, грудь, ноги – пуля не брала. Она путалась в составе из паучьих нитей. Спина сознательно была не защищена. Чтобы боец не поворачивался к противнику спиной. Такой врожденный заградотряд в себе.

– Побежишь – убьют! – Здорово, честное слово. Правда, не все изначально были с этим согласны. Под Троей спины ударных бойцов защищали телохранители. Они не давали бойцам противника ударить героя сзади. Но ребят, которых стали называть:

– Бронезадыми, – убедили, что таких боев, как под Троей больше не будет.

– Нам больше не нужны Одиссеи и Ахиллеса!

– Это вмешательство инопланетян, – сказал Сильвио.

– С Сириуса, – сказала Олька.

Сильвио почесал голову.

– Что она имела в виду? – Он боялся даже подумать, что они...

– Они инопланетяне. – Нет, не может быть!

Сильвио решил осторожно спросить Ольку:

– Все превратятся, в конце концов, в обезьян?

– Нет, – кратко ответила жена.

– Ну, а мы? Мы как, тоже будем обезьянами, или...

– Или, Сильвио, или! Неужели ты еще не понял, что я вышла замуж за Сириусийца.

И знаешь, почему?

– Почему?

– Я Принцесса Сириуса.

– Принцесса Сириусийская? – решил уточнить парень.

– Не говори глупости. Какая еще Сириусийская? Скажешь тоже!

– Тогда и меня не называй этим Сириусийцем.

– А как же мне называть?

– Ну, не знаю. Я все-таки твой муж.

– Принц Сириусийский, может быть?

– Хрен редьки не слаще, – сказал Сильвио и обиженно отвернулся.

– Тогда может быть:

– Принц Сириуса? Так тебе нравится?

– Ничего. Но че-то тоже не совсем то.

– А что тебе не нравится?

– Я все-таки главный. Ибо... ибо я мужчина.

– Это верно. И знаешь почему?

– Ну, потому что мужчина он всегда главный.

– Сейчас, Сильвио, я открою тебе тайну. И прошу тебя:

– Не надо об этом болтать.

– Я буду нем, как рыба.

– Я скажу тебе секретную, магическую тайну. Между прочим, эта тайна всем известна.

Только никто в нее по-настоящему не верит. Считают, что это так, выдумка. Современное непонимание Библии. Точнее, считается, что фразу в Библии неправильно перевели средневековые комментаторы. Слишком буквально поняли, что:

– Девушки не имеют души!

– А это не так? – спросил Сильвио. – Хотя, конечно, очевидно, что душа есть у всех.

– В том-то и тайна, Сильвио, что у девушек нет души. В Библии описана:

– Правда.

– Как же они живут?

– Вместо души у нас внутри...

– Что?

– Большой друг девушки. Бриллиант!

– Ужас, – чуть было не сказал Сильвио, но вовремя опомнился.

– Вот поэтому, Сильвио, ты и главный. У тебя есть душа.

– Это хорошо.

– Хорош-то хорошо, но будет плохо, если ты забудешь, что эта твоя душа у нас на двоих!

– Что это значит?

– Это значит, что ты не должен забывать, что я нахожусь внутри тебя! Все твои решения, чтобы быть реальными, чтобы быть выполненными, должны пройти ратификацию в моем

Бриллианте. Теперь ты понял, на сколько для нас, для меня, для Иры, для Тани, для Гали важны бриллианты?

– Ну да. Правда, не совсем.

– Бриллианты внутри нас требуют постоянного обновления. Ведь это наша душа. Она не должна быть тусклой. И вот для этого ты должен обязательно найти для нас самый лучший бриллиантовый участок.

– Как его искать? – спросил Сильвио.

– По звездам, – сказала Олька.

Впрочем, я продолжаю. Впервые о Стометровке упоминается при осаде Трои, как я уже начал было говорить. Троянский Конь – был Стометровкой. Почему Елена Прекрасная разговаривала с теми, кто мог быть внутри Троянского Коня разными голосами. Если бы это был деревянный муляж, можно было бы легко его разобрать, и посмотреть:

– Кто там? – Но в том-то и дело, что это было невозможно! Ибо... ибо это был космический корабль. Небольшой КК, всего сто метров в длину. Может быть сто двадцать. В ширину пятьдесят и в высоту всего тридцать метров. Такие данные. Нет, нет, простите, я перепутал рояль с сыром и фунт с кетчупом. Метрическую систему, с этой, как ее?.. Ну, это сейчас не важно. Слушайте теперь правильный ответ:

– Триста – пятьдесят – тридцать!

– Папа! – не выдержала Анна Лиза, – это ведь параметры Ноева Ковчега.

Часть первая

Глава первая

– Пациент стабилен?

– Не уверен. Поспешите.

Реанимация с визгом новой резины об асфальт тронулась от Вахты, потом провизжала тормозами на крутых поворотах Военного городка, и, наконец, прорвалась к медпункту.

– Пациент стабилен? – спросил доктор, выскочившую на крыльцо медсестру с растрепанными волосами, проверяя, на месте ли сзади, за спиной под ремнем пистолет с глушителем.

– Н-да, – ответила, слегка покраснев прелестная, как хорошая лошадь девушка. Не зря Гера устроила мир так, чтобы ее девушки периодически превращались в лошадей. В породистых лошадей, хочу я еще раз напомнить. Видимо эта, оставшаяся от древних времен привычка, заставляет девушек в выходные и праздничные дни, как и раньше, превращаться в лошадей. Но не в видимом мире. А духовно. И некоторые это чувствуют. Они ничего толком не понимают, но думают:

– Вот это лошадь, – и не могут удержаться от предложения немедленного секса. Хотя сами, как, например, Хемингуэй, лежат в госпитале раненые. Древний инстинкт Геры – непреодолим. На породистых лошадей бросаются кони. Таким конем был и Сильвестр. Он и сам думал, что он никто иной, как:

– Сильвестр Сталлоне. – Племенной Бык. Но это было до Армии. А здесь, в богом забытом месте, ему в первый же день предложили самому стать лошадью.

– Как, то есть, не понял? – спросил он.

– Ничего особенного, – ответил сержант. – Просто ты должен теперь понимать, что на самом деле твое имя при рождении было не Сильвестр, а Сильва.

– Сильва, – повторил новобранец. И услышал:

– Сегодня вечером у тебя уборка туалета.

– Ну че ты молчишь? – сказал другой сержант. – К тебе люди обращаются, а ты молчишь, как бык. Здесь принято отвечать, когда спрашивают.

– Просто вы не представились, – сказал Сильвестр и улыбнулся.

– А он действительно культурный парень, – сказал сержант. – Мне это нравится. – И добавил: – Зови меня:

– Железный. Как говорится:

– Куй железный, пока горячий.

– А меня зови, дорогой, или лучше дорогая:

– Деревянный.

– Может быть, лучше тебя звать Оловянный, друг?

– Не умничай, Сильва, – сказал Деревянный. – Оловянный уже есть, и он скоро подойдет.

– Когда?

– Что когда? А! Вот сегодня вечером в туалете ты с ним и встретишься.

И настал вечер. Оловянным оказался командир роты, капитан. Сталлоне, как раз согнулся над третьим унитазом. В руках у него были только зубной порошок и щетка.

Считалось, что эти инструменты больше всего подходят для чистки туалета. Если с туалетом как-то еще можно с ними справиться, то с гераклами, какими они показались новобранцу – никак.

Далее, два неожиданных для самого Сильвио удара. Он оказывается на гауптвахте. А потом в медпункте.

Доктор и два санитары прошли вслед за медсестрой.

Вечером, когда пришел комроты, Сильвестр был еще не готов. Капитан так и спросил, снимая лайковые перчатки:

– Готов?

– Нет, – ответил Деревянный.

– Почему? – строго спросил комроты. – Я, кажется, просил все приготовить к моему приходу.

– Мы побоялись испортить продукт, – сказал сержант Деревянный.

– Нет, я кажется, прямо вам сказал:

– Она, или он – не важно – к моему приходу должен быть мягок, как стейк из страуса.

– Я, – начал сержант Железный, – дал ему в челюсть справа только один раз. Так он лежал между унитазами ровно тридцать минут. Честно, я бил не сильно, а наоборот, среднее, как будто отбивал не жесткую говядину, а куриное филе.

– И?

– И больше мы бить его стали, – сказал Деревянный.

– Действительно, а вдруг он умрет, – добавил Железный. – Тогда...

– Действительно, – добавил Деревянный. – Вы же ж не любите мертвых.

– Покойники, они, конечно же, хуже, – поддержал мысль напарника Железный. Тем более, вы и сами их не любите.

– Все это так. Но я ведь вам приказывал. Приказывал, мать вашу, сделать из него отбивную! Только, чтобы не ломался, а гнулся. Как оловянная ложка. Похоже, вы совершенно не слушаете то, что я вам говорю.

Тут надо сказать, что капитан Оловянный был кандидатом в мастера спорта по боксу. Железный был маленьким и тощим. Что он только не ел с медом – ничего не помогало. Железный так и оставался маленьким и тощим. Но с мышцами. У него был пояс по каратэ. Не Брюс Ли, конечно, но желание убить кого-нибудь у него тоже было большим, и, как и его удары, болезненным. Его мечтой было – нет, не стать чемпионом Москвы, тогда каратэ официально было запрещено – а стать певцом. Как Козловский. Лучше бы Лемешевым. Но у Лемешева, как говорил Железный:

– Неправильно поставлен голос. – Он частенько ставил в казарме пластинки с ариями из опер, итальянские песни. Например, для Подъема он часто ставил пластинку:

– На призыв мой тайный и страстный, о, друг, мой прекрасный, выйди на балкон. Так красив свод неба атласный... И сам тоже орал. Но голос его был твердым, пронзительным, но абсолютно не проникал в душу.

– Как будто заяц барабанит по медному тазу, – сказал один новобранец, когда Железный запел в бане:

– Дуня д, моя Дуняша, Дуня-тонкопряха. – Даже хотели для смеха надеть ему на голову таз с холодной водой. Было весело. Но потом этого парня, который сказал про Зайца Железного

Барабанщика, сержанты и капитан Оловянный насильовали целый месяц в каптерке. Он так и сказал:

– Да какой ты на хер певец! Так лесной заяц. Железный Барабанщик. – Потом этот парень, Костик, сбежал. И, что самое интересное, его так и не нашли. Хорошо, что сбежал, а то уж эти ребята хотели продать Костика в соседнюю роту за триста баксов.

Другой сержант до армии работал плотником. Врезал замки в двери новостроек. И сам называл себя:

– Хуй Деревянный. – Он был страшим сержантом.

Они вошли без стука. Почти без звука. Оловянный кашлянул.

– Сильва, – сказал он, – я не хочу тебя бить. – Но ты должен оказывать только легкое сопротивление. Чтобы я понял:

– В глубине души ты тоже хочешь потрахаться. С другой стороны, ты хотел – как бы – оказать сопротивление, но страх сковал тебе руки, ноги и все, что еще там есть у тебя. Ты не можешь в полную силу оказывать сопротивление. Ты кролик перед удавом. К сожалению, приходится все это говорить тебе, чтобы ты добровольно сделал то, что я хочу. Эти неумехи, – он кивнул на Железного и Деревянного, – не смогли подготовить тебя для меня, как обезьяну к обеду китайского императора. Соглашайся.

– Не знаю, не знаю, – сказал парень. Он стоял у последнего унитаза. Все остальное уже блестело. Тыльной стороной ладони новобранец вытер капли пота со лба.

– Ты будешь жить в отдельной комнате. Не будешь вставать на зарядку. И вообще, никакой боевой и политической подготовки. Пусть дураки бегают кросс в противогазах. Правильно я говорю? – Оловянный приблизился вплотную. Так сказать, на расстояние хука.

– Так, так, так, – затараторил Сильва, как пулемет Максим в Гражданскую Войну. – Все это так, все это хорошо. Только...

– Что только?

– Только я не понял, кто обезьяна?

– Ты хочешь сказать, что это мы обезьяны? – решил уточнить Деревянный. – Да я тебя, как Черчилля!..

– Подожди, подожди, – сказал капитан. – Зачем сердиться? Мы действительно обезьяны. Большие, огромные орангутанги.

– Мне это нравится, – сказал Железный. – Я... – он не успел договорить. Комроты провел хук справа. Сильва упал и сломал унитаз, который только что дочистил.

– Как? – участливо спросил кеп, – я все еще похож на орангутанга? Или уже меньше? Че молчишь?

– Я это... хорошо, что упал на бок. Если бы на спину – сломал бы спину.

– Он все еще разговаривает, – сказал Железный. – Надо добавить, – и он хотел наступить на шею новобранца фирменной кроссовкой. Ну, как это принято в лучших домах Лондона. Имеется в виду, как это принято у каратистов. Просто мне всегда хочется лишний раз упомянуть город Лондон, где живут много русских людей.

И он сделал это. Наступил на шею. Но тут все увидели, что сам Железный поднялся в воздух, как воздушный шар, и, приземлившись, снес с противоположной стены два писсуара.

Никто ничего не понял. Даже сам Сильва. Тем не менее, скоро у него хватило ума понять, что это сделал он. Поэтому парень двинулся к выходу, остановился и сказал:

– И да:

– Я не Сильва. Зовите меня Сильвио.

Деревянный опомнился, и смело шагнул вперед. Железный обучал его удару с разворота. Но сейчас сержант решил исполнить свой удар. Он всегда ходил с ножом. Всегда учился бросать его. Точнее, это был не нож, а стамеска для разделки двери под замок. Острая со всех сторон, как бритва.

Деревянный вынул ее из деревянных, как будто игрушечных ножен, и с неожиданной быстротой бросил в парня, которого теперь уже смело можно называть Сильвио. Он не уклонился от лезвия бритвы, а поймал ее за хвост. Имеется в виду за рукоятку. Он бросил стамеску в унитаз, с удивлением посмотрел на свою руку, поймавшую эту острую змею, и сказал капитану, что еще вернется. Больше Сильвио не мог ничего придумать. Оловянный не решился двигаться с места. Только решил обязательно поймать этого Райана и продать в рабство Колобку.

– Тот любит борзых. – На то, что Сильвио и сам не понял, как у него получилось моментально уложить двоих и поймать на лету лезвие бритвы, капитан не обратил внимания. Я еще не сказал, что и Деревянного он тоже уложил. Точнее, сунул его голову в унитаз и спустил ржавую воду из бачка. Деревянный даже не понял, что промахнулся. Рванув гимнастерку на груди и оскалив длинные, как у крокодила зубы, он побежал на цель.

– Загрызу, падла! – Но только это он и успел сказать.

Сильвио развернул Деревянного к себе спиной, и оправил энергию его движения в сторону унитаза. Старший сержант как будто сам присел к унитазу. Ну, чтобы умыться. Потом новобранец поднял его ноги, и, как я уже говорил, включил воду.

Капитан не мог врать от страха. Он рассказал все, как было прибывшему из Москвы агенту. Попросту киллеру. Ведь у того было одно и прямое задание:

- Убить Сильвио. – Без вариантов. Оловянный сам очень удивился:
- Какого-то молодого ублюдка и сразу:
- Убрать!

Он сам в тот же день взял краткосрочный отпуск и уехал в деревню к родственникам жены.

Далее, санчасть, продолжение.

Доктор вошел в палату, где должен был лежать Сильвио, и сразу выстрелил.

– Пиф-Паф! – Дуплетом. Но на кровати никого не оказалось.

– Здесь никого нет! – воскликнул доктор. – Это одеяло. Где он? Говори. Или я тебя саму упакую в это одеяло. Ты че, проститутка, не слышишь, когда к тебе обращаются люди? – Он схватил медсестру за руку, и развернув, бросил на кровать, где должен был лежать Сильвестр Сталлоне.

– Я... я не знаю, где он. Только, буквально только что этот парень был здесь. Я не стала бы его укрывать. Посмотрите на мои растрепанные волосы. Он хотел овладеть мной. После этого я не стала бы его укрывать. Поверьте.

Ленька Пантелеев – а именно так звали агента – взял белокурую девушку за волосы одной рукой. А другой приподнял подбородок.

– Смотри мне в глаза, – сказал он. – В глаза! – я сказал! Не мигать. Не ми-га-ть. Ты хочешь спать. Повторяю:

– Ты очень хочешь спать. Ты устала после бессонной ночи. Спи. Спи. Спи. Спи, блядь, я тебе сказал. А теперь говори:

– Где он?

– Ай! Ай доунт ноу. Я доунт ноу. Честно. Я не знаю.

– Ну, хорошо. Если от тебя нет никакого толку... Если от тебя нет никакого толку, то я пристрелю тебя. – И он приставил глушитель Береты к обрамленному желтыми волосами, как говорил Чехов, лбу Принцессы. – Ты похожа на Принцессу, – сказал Ленька Пантелеев. – Мне жаль тебя убивать. – И добавил: – Но придется.

– Прошу вас не надо, – простонала медсестра. Я все скажу.

– Отлично. Говори. Где он?

– Под кроватью, – одними губами сказала девушка, и большим пальцем показала вниз. Как Марк Аврелий Красс на трибуне Колизея показал Спартаку, чтобы он добил негра с трезубцем и сетью.

– Пожалуй, это единственное место, где мог спрятаться Сильва. Окно было закрыто решетками, а из двери ему некуда было бы бежать.

Тут надо сказать, как этот парень попал в лазарет.

Он ударился локтем о косяк двери. Получил ссадину. Но это не главное. Главное, что локоть удивительно быстро распух. Как будто он самостоятельно лечил эту ссадину недели две-три. И еще:

– Он ударился локтем о косяк двери не сам. Ему помогли. В казарму ворвался караульный взвод в количестве восемнадцати человек. И хотя парень кричал, что он сдается, его продолжали бить.

– Пришлось защищаться, – как потом он рассказывал военному следователю. – Валият и валият! Откуда их столько? – Ну, и задел локтем о косяк двери.

– Вы, точнее ты, сукин сын, покалечил девять человек. Половину охранного взвода, – сказал следователь. Его фамилия была Швецов. – Как тебе это удалось? Ты каратист, что ли, в натуре? Вроде еще молод для того, чтобы так обращаться с людьми. Или ты, как Жан-Клод Ван Дамм с четырех лет занимался Каратэ До?

– Я даже не знаю, существует ли такое каратэ, – ответил Сильва. – Нет, честно, я никого не бил.

– Они сами себя изуродовали? Так, что ли?

– Получается, что вы правы. Они сами...

– Заткнись! Пока я не буду возбуждать уголовное дело. Но после карцера ты должен найти денег. У тебя вообще есть деньги?

– Нет

– Это не есть хорошо. Придется найти. Иначе полетишь ты белым лебедем в Солнечный Магадан. Ты меня понял? Ты меня хорошо понял?

– Нет.

– Чего ты не понял?

– Я не в карцере сижу, а лежу в санчасти.

– Я не просто так сижу, а в санчасти я лежу, – передразнил Швецов. И добавил: – Карцер еще впереди. – И добавил еще раз: – Если ты не подумаешь хорошенько насчет денег. Ты меня понял?

– Понял то, понял, только...

– Нет, ты меня хорошо понял, сукин сын?

– Понял, понял. Вы опять насчет денег? Я подумаю. Хотя, честно говоря, ума не приложу, где их вообще берут.

– Ты что, с Луны свалился? Или с этого, как его, Сириуса? Деньги всегда есть в одном месте.

– Да? Где это?
– На Большой Дороге.
– Не понял. Где это?
– Ну как где? Именно там, на большой дороге. Там, та-рарам, тара-рам. Там. – И он побарабанил по столу всеми пятью пальцами. По очереди.

– Так вы толкаете меня на преступление? Хотите, чтобы я ради вас стал разбойником? Я на это не способен.

– Дела твои говорят о другом. Очень даже способен.
– Ну, хорошо, допустим, я воспользуюсь вашим советом. Но нужно будет проверять каждого. Я не знаю, у кого есть деньги, а у кого нет. Это будет очень долгая история.
– Вот это да! У тебя, парень, природная склонность к разбою. Ты сразу ухватил суть да дело. Ты прав, нужна накладка. Я сам тебе ее дам.
– Ну, не буквально сам. Получишь информацию от капитана Оловянного.
– Не-ет! С этим пидором я больше связываться не буду.
– Он не пидор. А наоборот.
– Если любит мужиков – значит сам такой же.

– Думай, как хочешь, но связь будем держать через него. И да:
– Тебя никто не заподозрит, потому что во время налета ты будешь находиться в санчасти.

– Я так долго буду лежать?
– Информацию получишь послезавтра.
– Я умру от тоски.
– Я вижу, у тебя настрой боевой.
– Какие уж тут шутки, господин юрист. Вы видите, что у меня рука только после операции? Как я буду брать банк? Я лично не понимаю.
– Какой банк! Чудила. Банк не надо. Пока. Возьмешь инкассаторский джип.
– Я не смогу. Честно. Вы что, все шутите?
– Шучу, шучу. Все гораздо проще.

– Убивать я никого не буду. Я на это не способен. Вообще, я не совсем понимаю, за кого вы меня принимаете? То трахнуть хотят, то на Большую Дорогу посылают. Это армия или бордель какой-то?

– Скажи спасибо, что действительно... киллером не предложили работать. Просто я не совсем верю в информацию из Москвы.

– Да? А что это за информация?
– Хорошо, я тебе скажу. – Швецов открыл папку и вынул листок. – Из Москвы, – кивнул он на листок. И добавил: – Шифровка. Пишут, что ты киллер.
– Меня с кем-то перепутали, – сказал Сильвио.

– Мы сделали запрос в Москву, в Центральный Компьютер. Хотели просто узнать, в какой такой подпольной каратистской секции ты занимался. И все. А тут. Зе профешен киллер. Я сам ничего не понимаю. Думаю, действительно:

– Ошибка. Какой из тебя киллер, если ты банк брать боишься. Но, пока суть да дело, я использую тебя, как мою левую руку. Ты понял. Левая-то деньги любит. Шутка. Ты даже не представляешь, сколько у меня долгов. До сих пор не могу расплатиться с поставщиком за бассейн. Простой бассейн. Не в олимпийском стиле, не из золота, даже не из серебра. Просто бассейн. А денег, расплатиться за него, нет.

- Я вам не верю, – сказал Сильвио.
- Да? Я даже могу назвать твой позывной.
- Интересно. И как меня там зовут? Сильвестр Сталлоне? Так это я сам себя так называю.
- Нет, мой друг, нет. Не угадал. Твой псевдоним:

– Том Круз.

– Чушь. Чушь и бред. Я такого имени не помню. Что это за кликуха такая? Том Круз, – повторил он. – Нет, нет, не может быть.

- Почему?
- Да я и стрелять-то не умею. Здесь еще не научили, а там я вообще никогда не стрелял.
- Да, я тоже так думаю. Хотя, с другой стороны, мы можем попробовать. Как ты считаешь?

- Не здесь же.
- Конечно, нет. После дела попробуем.
- Что? Еще какие-нибудь вопросы? – спросил майор. – Иди.
- Мне не хватает еды.
- Еды. Еды, еды, – повторил следователь. – Это отличная идея! Ты ограбишь склад тушенки. Возьмешь себе, сколько надо. И заодно мне загрузишь Студебеккер.

- Вижу, вы совсем не понимаете, что у меня до сих пор рука болит.
- Сами вы делать ничего не будете. Прежде чем убрать охрану склада и кладовщика, заставьте их загрузить Студебеккер. И да, – добавил юрист, – только половину загрузишь американской тушенкой, а вторую половину сгущенкой. Ты все хорошо запомнил? Половину Студебеккера американской тушенкой, а вторую половину рогачевской сгущенкой.

- Любите сладкое?
- Ес. Надо поесть, пока эта сгущенка еще наша. Вы слышали, что ее продали за долги в Данию?
- Нет.

– Удивительно. Просто удивительно, что ты ничего не знаешь, и ничего не умеешь. Любой другой бы точно подумал, что ты с Луны свалился. Ведь об этом целый месяц говорили все средства информации. Продали чуть ли не последнее достояние республики. Древний рецепт рогачевской сгущенки. Мама Мия! Куда деваются все деньги? У меня у самого их постоянно не хватает. Вы все еще здесь? Идите рядовой... я уж и забыл, как ваша фамилия. Ха-ха. Ага, вот:

– Столетов. Такому парню, с такой известной фамилией подошла бы жена француженка, какая-нибудь бывшая знаменитая модель или актриса, перешедшая на работу в министерство железнодорожного транспорта. А? Такая плебейская дамочка с яркой внешностью на работе по связям с российской общественностью. Если ты заработаешь мне миллион – я выведу тебя на нее. Такая... прикоснешься к ней и понимаешь, чувствуешь всей душой и всем сердцем, оторваться от нее не можешь. Как будто током притянуло. Впрочем, об этом еще рано говорить. Иди. Жди указаний.

- Не успел Столетов загрузить первый Камаз, как приехал полковник Зуев. Он сказал, что:
- Это какой-то бардак. Загрузишь мне Студебеккер. – Получилось:
 - Первый Камаз, второй – Студебеккер.

Не успел парень поспать в санчасти два часа, как приехал агент из Москвы. Сильвио как раз проснулся, чтобы попить воды. Он даже не заметил, что опухоль у него спала. Локоть

работал почти без боли. Но сейчас он не обратил на это внимания. Он даже смотрел одним глазом.

Теперь этот агент стоял на коленях, и готовился заглянуть под кровать. Природная любознательность взяла верх над безопасностью. Он еще раз взглянул в глаза прекрасной девушке и посмотрел под кровать.

Удивлению его не было границ, как не было границ удивлению Чехова, когда он увидел, что у него получилось две Чайки. Вроде бы должна быть одна. А тут две. Ведь нельзя же Нину Заречную совсем не считать Чайкой. Хотя она и говорит, что она не Чайка.

– Не то, не то, не то, – говорит она. И действительно, какая она Чайка? Чайка это Треплев. Он ведь и сам говорит, что скоро будет убит:

– Как эта Чайка. – Чайка, которую он сам и убил. Сразу скажу, почему Чехов назвал эту пьесу комедией. Ровно, как и другие. Дядю Ваню и Вишневый Сад.

Дело в том, что вектор перспективы в пьесах Чехова направлен не в глубь картины, а прямо в настоящее, на сцену. Например, в Вишневом Саде кажется, что в конце нет довольных, кроме Лопахина. Раневская скоро проживет деньги, доставшиеся ей от продажи Вишневого Сада. Она сама об этом говорит. У Ани и у Вечного Студента тоже нет перспектив. Ведь их связь выше любви. У Вари тем более. У нее как не было, так и нет даже ста рублей на монастырь. Фирс остался один умирать в пустом доме. Печаль, печаль, бесконечная печаль, которая будет здесь и через двести, и через триста лет. Ничего нет. Кажется, что люди здесь замерли в последнем движении, как при последней вспышке Конца Света. Но это не так. Не так, потому что существует противоречие. А именно:

– Раневская не поддается ни на какие разъяснения и уговоры Лопахина о превращении Вишневого Сада в Дачные Участки.

Вводится мысль, что вот, мол, какие это были старинные люди:

– Хоть кол на голове теши, а выгоды своей они увидеть не могут.

Не могут расстаться с любимым Вишневым Садам. Но ведь это явно не так. Во-первых, это просто явный перебор. Перебор фокусника, когда он вместо одной тумбочки показывает другую, кажется, что точно такую же, но при внимательном измерении оказывается, что вторая тумбочка больше. Незаметно с первого взгляда, но больше именно на ту величину, которая позволяет человеку уместиться в ней. Так и здесь. Не понимание Раневской своей выгоды – это фикция. Перебор. Даже старинные люди такими непрактичными не бывают. Они могут и непрактичные, но когда им показывают истину, они как ослы не упираются. Ведь выгода нужна не дяде, а именно им самим.

И второе. Раневская, как и ее дочь, Аня любят не этот Вишневый Сад, не вообще родовой Вишневый Сад, а Сад их детства. Взрослый Сад таит в себе мрачную тайну. Что бы это могло быть? Возможно, Раневская похоронила в этом Саду ребенка. Вместе с каким-нибудь русским Вильфором. Почему нет? Или вы думаете, что Чехов говорит несколько раз только об обычной грязи? Только о том, что люди спят вместе со свиньями? А моральная грязь? Вы думаете, она была только во Франции? Только в Графе Монте Кристо? Сад этот никому не нужен! Даже Лопахину. Но он все же готов терпеть его разрезанным на дачные десятины.

Раневская, как и ее брат, принимает самое выгодное для себя решение. Она лишается мрачных воспоминаний – раз. И приобретает девяносто тысяч единовременно. Вроде бы:

– А по системе Лопахина у нее было бы двадцать пять тысяч ежегодно. Деньги не только пожизненные, но и передающиеся по наследству.

Но, повторяю, здесь другая перспектива. Перспектива картин Брейгеля и Рембрандта. Здесь действие пьесы доходит до конца и повторяется вновь. Повторяется каждый день уже сто лет. Как на картине Рембрандта Ночной Дозор:

– Не обычные люди, отряд городского ополчения позирует художнику, а:

– Актеры. – И следовательно, перед нами сцена. Как это и есть на самом деле.

Раневская и выбирает эту жизнь на сцене, где есть только одна перспектива:

– Играть свою роль. – Париж – Вишневый Сад, опять Париж, и опять Вишневый Сад.

И так Всю Жизнь.

Кажется, что в этом хорошего: всегда одно и то же. Но и на картине Брейгеля всегда одно и то же. Даже лапа собаки замерла навсегда в незавершенном движении. Точнее, здесь именно уже нет движения. Нет движения в содержание, внутрь. Поэтому Раневская никогда не обанкротится. Деньги у нее никогда не кончатся. И она сознательно выбрала именно этот путь, а не тот, который предлагал ей Лопухин. Она и превращает эту пьесу в комедию. Превращает именно своим парадоксальным выбором. Она знает, что у нее всегда хватит денег подать Прохожему золотой.

Ленька Пантелеев увидел под кроватью... вторую Пертскую Красавицу.

– Как это возможно? – Но только это он и успел спросить у себя. Верхняя девушка опустила на его голову тяжелую руку. Ленька отключился.

По другой версии, рассказанной потом начальству Ленькой Пантелеевым, девушку обнаружили потом, когда сам Сильва уже бежал. И не под кроватью, а в маленькой комнатке для швабр с липкой лентой на пухлых губах.

Ленька не оправдывался по телефону. Он удивлялся.

– Я не понимаю, где он нашел предметы для такой маскировки?

– Какие еще предметы, мать твою?! – закричал в трубку его начальник по имени Абель.

– Волосы, губы, ресницы, голубые глаза, платье.

– Если ты его не найдешь в течении суток, я устрою тебе платье из бетона. Ты понял?

Как Брюсу Уиллису.

– Что? Прости, не понял. Прошу...

– Я тебе повторю. Если ты его не найдешь, будешь иметь бетонный массаж ног. Как Брюс Уиллис. На катере. И запомни новый пароль:

– Будущее – это Мексика.

Глава вторая

Столетов сел на электричку и долго ехал. Но оказалось, что всего он проехал восемнадцать километров. Он побродил до вечера по лесу, а потом зашел в деревню и залез в один дом на сеновал. Он надеялся найти здесь бутылку самогонки, яйца, сало и хлеб. Но ничего не было. Другим везло больше. Например, Хемингуэй нашел на таком же сеновале старинную бутылку вина. Может быть, это было Киндзмараули. Или Хванчкара. Лучше бы Саперави. Оно похоже на воду, смешанную с вином.

Солдат глотнул. К сожалению, это была только слюна.

Дверь дома открылась, и невысокая девушка пошла на танцы в клуб. Он покрутил перед собой два пальца, надеясь понять, что лучше:

– Пойти за ней в клуб и познакомиться, чтобы потом попросить поесть, или остаться на сеновале. Второе было лучше, так как ему очень хотелось спать. И он заснул. Скоро ему приснилось, что маленькая девушка вернулась, принесла ему бутылку самогонки, сало... нет, нет, она принесла только бутылку самогонки. Почему? Непонятно.

– Меня же вырвет с голодухи, – сказал он. – Может быть, есть хлеб и соль хотя бы?

– Иди в баню, – сказала девушка.

– Нет, ну послушай, я многого не прошу.

– Иди в баню.

– Ты серьезно? А чем здесь плохо?

– Я туда принесу хлеб, сало, яйца. Ты любишь свежие куриные яйца?

– Ес!

Потом они упали на широкую лавку. Преодолевая ее незначительное сопротивление, солдат овладел прекрасной незнакомкой. Правда, в темноте, он плохо различал черты ее милого лица. Днем он мог бы узнать ее разве, что по росту. И часто повторяемым словам:

– Ну что ты делаешь, что ты делаешь, что ты делаешь?

– Это вопрос? Впрочем, продолжай говорить. Продолжай.

– Что ты делаешь? Ну, что ты делаешь?

Потом он проснулся и минут пять думал:

– Правда это все было ночью? Или только сон? Как узнать? Он понюхал свои руки. Потом почесал голову.

Тут он услышал скрип лестницы. Ну, вот, сейчас так прямо и спросим у нее:

– А мы с вами знакомы? – Но появилась голова не девушки, а парня. Такая кучерявая и белобрысая. Как у Бориса Бера, когда он был маленьким.

– Сегодня вечером я сброшу в колодец твой труп, – строго сказал крепыш. И действительно, он еще в самом детстве был боксером по имени Сантос. Нет, нет, как-то по-другому? А, Сатин. Ну, почти одно и то же. У них Сантос – у нас Сатин.

– В чем дело? – спросил солдат. Но не услышал ответа. Не в том смысле, что этот Сатин его не услышал, так как был уже далеко. – Тогда почему? Скорее всего, не посчитал нужным.

Потом пришла девушка. Но не та, которая приснилась ему ночью. Ту, кажется, звали Ира, а эту...

– Тебе это знать не обязательно, – сказала рыжая дама с рыжими пятнышками на лице. Веснушками назвать их было затруднительно. – Впрочем, изволь: – Меня зовут Галя. – И добавила: – Увидимся. И да: – Вот тебе еда. Как-то:

– Хлеб, сало, яйца и эта, как ее? самогонка. Хи-хи.

Солдат взял кусочек сала, которое, как говорят, в древности ели только бедные люди, а сейчас едят все, и, которое он отрезал ножом Робинзона Крузо. Имеется в виду ножом, которого ему не дала Галя, но, тем не менее, откуда-то он у него появился. И действительно:

– Мало ли для этого возможностей! – Почти каждый парубок в деревне ходит с ножом. А так как парубки часто бывают пьяными, то ножи они теряют. А если кто-то теряет, то, естественно, кто их находит. На этом сеновале можно было найти полно ножей. Хотя, конечно, это будет вариант не Робинзона Крузо.

Он проспал до вечера. Полдеревни уже было под шафе. А именно:

– Еще стояло на ногах.

Около дома прогуливались ребята с велосипедными цепями.

– Они ищут тебя, – сказала Галя после того, как опять проскрипела по лестнице на сеновал.

– Они могут прийти сюда?

– Если ты к ним не выйдешь, конечно, придут сюда.

– Не думаешь ли ты, что мне лучше перейти в баню?

– В баню? Значит, ты испугался? Испугался, испугался. Я вижу. Ну, хорошо, пойдем в баню.

– Где Ира?

– Какая еще Ира? Ты, я вижу, парень, пожил уже здесь со всей деревней. Про меня только как-то забыл. И да:

– Ты перепутал. Ее зовут Таня.

– Неужели это был не сон?

– Просыпайся, рыцарь. Идем в баню, пока не поздно.

– Мне кажется, в бане меня быстрее найдут.

– Ну, как хочешь. Обычно, они сначала всех ищут на сеновале.

– Так это, что, не в первый раз?

– Эй, милай, в первый-то раз когда это было! Я уж и не помню.

Солдат опять покрутил перед собой пальцами. И вышло, что надо все-таки идти в баню.

– Ладно, пойдем, – сказал он.

– Я пойду первой, а ты за мной. Приотстань немного. – И вышло, что боец заблудился.

– Где эта баня? Направо, или налево? – Он хотел опять покрутить пальцы с закрытыми глазами, но времени уже не было. С двух сторон к нему бежали. Один с цепью, другой с колом.

Третьего Столет сначала не заметил, а он был уже в трех шагах от него. Рожа пьяная, в руке пассатижи. Видимо, кол слишком тяжел, а цепи не было. На деревне не так много велосипедов, как думают. На всех цепей не хватает.

Солдат чудом успел поймать занесенную над ним руку с пассатижами. Простой Мельницей он перевернул этого мужичка на своих плечах, и бросил на второго, уже набегавшего с колом. Как получилось? Не понял. Опять не понял. Третий промахнулся цепью. Она прогрела звеньями прямо перед лицом Столета. Неожиданно для самого себя, он придержал этого третьего, и положив его руку себе на плечо, сломал. Потом направил энергию движения нападавшего в заднюю стену дома. Кажется, это был сарай, где мычала корова. Бревно, с которым встретился лоб третьего бойца прогнулось, зазвенело, и опять выпрямилось. Сильвио очень удивился.

– Виктор, Виктор! – кричала толпа, появившаяся из-за крайнего дома. Они видели, как этот Виктор встретился с задней стеной дома.

– Сюда, сюда! – услышал Сильва. Это кричала... нет, не Галя у бани, это была Таня, и стояла она с другой стороны. Куда бежать? В бане можно спастись. Но он только взглянул туда.

– Ну чего ты растерялся? Сюда! – А это была уже третья девушка. Как раз это и была Ира. Но стояла она за домом, у колодца.

– Туда, – решил солдат. Он перепрыгнул через два плетня и выбежал к колодцу. Но не сразу. Предварительно он сделал круг. Сначала двинулся в сторону Гали, потом Тани. Толпа с колыями и цепями за ним. И вот только тогда парень оказался у колодца.

– Прыгай!

– Куда?

– Не спрашивай куда?

– Что спросить?

– Спроси:

– На сколько глубоко прыгать.

– Не смешите меня. Я не буду спрашивать такую невероятную вещь.

– Как хочешь. Они уже близко. – И действительно, толпа с завываниями приближалась. Остался один плетень. И его скоро, как ветром сдуло.

– Там глубоко? – наконец спросил солдат.

– Прыгай, как можно глубже, – сказала Ира. И добавила: – принесешь мне золотой гребень.

– Прыгай до середины, – сказала Таня, – и принесешь мне серебряную чашку.

– Как ты здесь оказалась? – хотел спросить Сильва, но не стал. Ведь толпа была уже близко.

– Прыгай совсем не глубоко, – сказала Галя, – и принесешь мне изумрудную ложку.

Сильвио хотел спросить, как можно прыгать на три разных расстояния, но понял, что времени совсем не осталось.

И он прыгнул, даже не посмотрев, есть ли вода в колодце. Конечно, должна быть, если люди к нему ходят. Он опустился на первую глубину. И... и оказался в маленьком, но чистом и пахнущем свежими бревнами предбаннике. Мама! Опять баня. Солдат ожидал, что встретит здесь Галю. Но никого не было. У кого спросить изумрудную ложку? Но, как говорится, делать нечего, надо мыться. Парень намылился, а воды-то, чтобы ополоснуться, и нет. Протер он один глаз от мыла и видит: впереди дверь. А на ней табличка, а на табличке что-то написано. Что? Вопрос:

– Изменилось ли что-нибудь в конце Дяди Вани, или, как и сказал сам Дядя Ваня:

– Все будет по-прежнему.

Вопрос:

– Так схитрил Дядя Ваня или правду сказал, что все так и будет по-прежнему?

– Во попал, – сказал вслух солдат самому себе. И добавил: – Японская система. Пока не отвечу – воды не дадут. А дальше, скорее всего, придется петать на ступеньках универсама.

– Можно отвечать? – спросил солдат. – Спасибо. Ответ:

– Схитрил Дядя Ваня. Хотя он и пообещал профессору, что тот будет получать:

– То же, что получал раньше. Все будет по-старому, – только теперь уже не просто так, за то, что профессор большой ученый, а... а за его жену!

Дядя Ваня теперь будет платить за возможность лапать красивую, шикарную, двадцати семилетнюю жену профессора, целовать ее и дарить букеты цветов. Каждый день.

Пусть и на двоих с доктором. Вот так, Дядя Ваня теперь будет платить за право лапать и целовать Елену Прекрасную. Вот это сделка! И так каждый спектакль. Именно поэтому эта пьеса:

– Комедия.

А иначе картина была бы очень мрачной. И можно было бы сказать, что правды нет не только на Земле, но и выше. А ведь сначала я подумал, что в произведениях Чехова нарушается главный принцип художественного произведения:

– Хеппи Энд.

Мраком, несправедливостью все начинается и продолжается и мраком же заканчивается. Несправедливость остается с человеком навсегда. И не будет никогда выхода. Ни через двести, ни через триста, ни через тысячу лет.

Во всех современных произведениях идет борьба с несправедливостью, а в конце победа. Собственно, о чем тогда и рассказывать, если в конце нет венца, нет победы? А здесь, у Чехова, человек встречается с вечной несправедливостью, и в конце все равно остается с ней. Остается навсегда. Не происходит выравнивания перекоса. Не по очереди приходит к людям несправедливость. Нет отмищения. Ну, вот, оказывается, что есть.

Вечный ужас побеждает театр.

И представляете себе, дверь в душевую открылась. Щелкнул японский автоматический замок, и солдат открыл дверь.

Потом солдат прыгнул до середины. Он надеялся увидеть здесь Таню. Но и здесь никого не было.

– Неужели опять баня? – подумал солдат. И улыбнулся. В том смысле, что вряд ли, не может быть. Но это опять была баня. Похоже, не зря Эльдар Рязанов учился в Режиссерском Институте, не зря снимал кино про баню. Баня, как оказывается, символ не только этого мира, но и под... нет, не подземного все-таки, а подземно-подводного. Ведь в Библии говорится, что Земля и Вода существенно отличаются. Земля останется, а вот морей и океанов в Раю уже не будет. Почему? Ну, не знаю почему, только отличие очевидно. Одно будет, а другого не будет.

И вот опять намылился солдат, и опять – другим уже глазом – видит дверь. А на ней табличка. И написано:

– Как правильно говорить и думать:

– Бог в подробностях, или дьявол в подробностях?

Действительно, раньше я слышал только, что Бог в подробностях. Теперь почему-то говорят, что дьявол в подробностях. Очевидно, намекают, что истина, значит, не в подробностях, что правильное утверждение:

– Бог – это Солнце, – истина не только для начальной школы, но и теперь распространяется и на более высокие инстанции. Как-то:

– На докторские диссертации. – Как говорится, выше начального образования не прыгнешь. А как прыгнешь? Ведь там, в начальном образовании, рассказывается о вечных истинах. Дальше-то ничего нового уже нет. Так, только подробности.

Так кто находится в подробностях:

– Бог? – Или:

– Дьявол?

Пытаются опять перекрыть подробности, что будто бы там дьявол. Так, втихаря, ненароком. Но отнюдь не наугад.

Ответ простой:

– Бог в подробности. И дьявол в подробности. Но здесь важно то, что именно в подробностях Бог отличается от дьявола! Мы можем заметить это отличие. Заметить только в подробностях.

При уничтожении подробностей, при подчинении шмыгающего носом Иешуа Булгакова богу Ра, богу Солнца – отличить плюс от минуса не удастся. И тогда произойдет то, что предсказано в Библии:

– Дьявол встанет на место Бога. Как бог.

При школьном пояснении можно сказать, что Бог и дьявол связаны между собой. Как связана пометка на полях с текстом. Что тогда получается Бог и дьявол части одного целого. И это неправильно. Говорить так нельзя. Ибо нельзя увидеть этой связи. Это упрощение. И оно ведет к подмене.

И, следовательно, ответ такой:

– Бог побеждает дьявола в подробностях. В докторской диссертации, в открытии, в колебании струны. Но не в очевидной школьной истине, что:

– Бог – это Солнце. – Что толку повторять истину, что мы на первом месте в мире по запасам каменного угля?

Мы не в Древнем Египте, друзья мои.

Бог не в громе, и не в молнии, а в тихом ветре.

Утверждение, что бог – это солнце:

– Истина для всех, – оказывается ложным. Это истина не для кого.

Бог Солнце – означает, что он для нас непознаваем, что, следовательно, мы и верить не можем! Он слишком высоко над нами.

Что такое импрессионизм? Это не живопись, а одни подробности. Поэтому его отрицали. Отрицали, не замечая, что классика, солнце осталось в посылке.

Поэтому без подробностей мы видим не классику, не основу, а:

– Копию! – Бог древних египтян Ра без подробностей только ничего не стоящая копия. Копия не даст положительного действия.

И очевидно, что Подлинник и Копия отличаются только в подробностях. Упрощение бессмысленно. Краткий курс – идеология атеизма.

Так и ответил солдат. И дверь перед ним открылась. Он смыл с себя все мыло, оделся, сел за стол с арбузом, самоваром и конфетами. Налил чаю с пряностями в серебряную чашку, хотел уже сделать ароматный глоток, но тут же поставил чашку опять на пахнущий свежим деревом стол. Мама!

– Забыл взять в первой бане изумрудную ложку для Гали.

А как вернуться он не знал.

– Ну, да ладно, – подумал он, – вернусь, прыгну еще раз в колодец, и возьму изумрудную ложку.

Выпил солдат три самовара чаю. Похлопал себя по животу. И спустился на самую глубину.

Наверное, придется петать на ступеньках универмага. Что петать? Ответ. А какой будет вопрос? Он спускался все глубже и глубже. Наконец, солдат почувствовал твердь под ногами. Что?

– Я так и думал! – Это был универмаг. – Натуральные японские тесты. Придется петь ответ. Зачем? По японской системе, чтобы доказать:

– Вы не стесняйтесь рассказать людям свою теорию. – И это подтверждает, что она верна.

Солдат огляделся по сторонам. Где вопрос? И тут к нему подошла девушка, раздающая рекламные листки.

– Мне не надо, – сказал солдат.

Но девушка сказала, чтобы он все-таки взял листок.

– Пригодится, – добавила она.

– Вроде бы похожа на Иру, – подумал Столетов. – Но с другой стороны, наверное, это Копия. Сначала он положил листок в карман. Не выбрасывать же его сразу. Потом только решил прочитать содержание рекламы. Вдруг там и находится вопрос.

– Точно! – Надо было сразу догадаться. – Как будто вытянул счастливый билет на экзамене, – добавил он. И прочитал:

– Очередной ляп Шекспира. Произведение называется: – Два Веронца. Солдат не читал, и не видел эту пьесу Потрясающего. Но отвечать надо. Иначе так и останешься здесь. И будешь Русалкой. Он даже не знал из какого города в какой путешествуют Веронцы. Но уже в условии было написано, что оба города не приморские. Допустим, это были Верона и Милан. Однако Шекспир написал, что ребята ПЛЫЛИ из одного города в другой. Именно плыли, а не шли и не ехали. Вопрос:

– Как можно плыть из одного СУХОПУТНОГО города в другой такой же сухопутный?

Я-то сразу ищу решение, потому что в ляпы Шекспира абсолютно не верю.

Вот смотрите, что происходит. В старых фильмах движение машины часто изображали движением дороги, деревьев, домов мимо машины. Не машина двигалась, а окружающие ее деревья. Но зрителям-то ведь все равно, что движется. Важно, что на экране машина едет. Хотя на «самом деле» около нее просто машут ветками. Почему «на самом деле» в кавычках? А где оно это:

– На самом деле? – Там или Здесь?

Говорят про старые советские фильмы, что там изображались вещи, которые не могут существовать. В одном из фильмов про Великую Отечественную Войну летчик спокойно открывает дверь кабины, выходит на крыло, и его ветер не сдувает его..Видно, что ветер дует, но летчика он не берет. Почему? Говорят, что это тоже ляп режиссера. Но это не так. Все зависит от точки зрения. А точнее от:

– От представления о мире.

Сама технология такова:

– Летчик и ветер снимаются отдельно. А потом в кино они видны вместе. Именно поэтому летчик и не падает. Настоящий ветер в него не дует.

Кажется, что это монтаж, филькина грамота. Но она отражает устройство мира. Другое, не очевидное, устройство мира.

Так и Два Веронца плывут. Как определяется плавание корабля, его курс? По звездам! Именно так. Сначала мы видим на небе созвездие, или координаты, например, Милана. Они определены с помощью секстанта по Полярной звезде. И звезды двигаются, как двигаются деревья мимо машины, показывая, что машина едет по дороге. Звезды, созвездия, двигаются до тех пор, пока на небе не появляются координаты Вероны. Все – приехали. Точнее:

– Приплыли!

Возникает логичный вопрос:

– А зачем так делать?

Как говорится:

– Очень хороший вопрос!

Зачем Шекспир рассказывает о движении по звездам, когда можно было ехать на лошади, по суху?

Разница есть. Это другой взгляд на мир.

Первое, обычное представление о мире это:

– Италия, в ней есть два города, расположенные внутри полуострова, не у моря. Переместиться из одного такого города в другой можно только по суше. Плыть никак не получится. И это правда.

Вроде бы все очевидно, Шекспир – в очередной раз – ошибся. Не в курсе был, что без знаний карты – нет науки географии.

Но есть и другой взгляд на мир. И он правдивее первого. Это взгляд на мир с позиции Теории Относительности Эйнштейна. Правда, тогда еще этой Теории не было. Но Новый Мир уже существовал. Мир, в который включен человек. Человек в зрительном зале!

Именно об этом мире и рассказывает Шекспир. О мире, как он сказал, где:

– Весь мир театр. А люди в нем актеры.

Почему так? Потому что это:

– Плавание по звездам, – видно только из зрительного зала. Только в театре. В театре, где мир разделен на две части. На сцену и на зрительный зал. Так-то, на сцене, этот корабль вообще стоит на месте.

Кто-то может сказать, что это второе представление о мире не реально. А реально первое представление о мире. Которое можно назвать:

– Взглядом из окна.

А второй взгляд на мир – это так, только спектакль.

И это будет очевидной ошибкой. Ибо:

– Мы и смотрим спектакль! – По-другому мир увидеть нельзя.

Почему же в жизни мы не видим этого театра? Мы не видим – Автор видит.

Зритель ведь тоже не видит, что он участник пьесы. И поэтому говорит, когда Два Веронца плывут из Милана в Верону:

– Шекспир сделал очередной ляп. Он не знал географии.

А оказывается, он знал Теорию Относительности.

Дело не просто в правоте Шекспира. Но он нам рассказывает о мире, который возник после Воскресения Иисуса Христа. О мире, в котором существует:

– Вера.

Американцы, когда правильно ответят на вопрос, говорят:

– Спасибо, – папе, маме, бабушке, дедушке, соседу. Так и Сильвио поблагодарил за подсказку ведущего одной из группировок умников.

И солдат спел со ступенек универмага эту песню про Теорию Относительности и про театр. И... и не вернулся назад. Точнее, вернулся, но не совсем туда, откуда прыгал в колодезь. Он оказался в поезде, который уже подходил к станции.

– Нм, я опять здесь. Опять в этом городе. – Солдат вернулся в город, откуда начал свой путь. – Вернуться назад? – Но он вспомнил ребят с колами, цепями и пассатижами и решил:

– Нет, возвращаться не буду. – Он посмотрел в сумку. Золотой гребень и серебряная чашка были здесь. А вот изумрудной ложки не было. Сумку ему подарила девушка, которая раздавала листки с рекламой.

– Вы хорошо пели, – сказала она. – Вот бонус от производителя. – И протянула эту синюю сумку.

– Нет, это была не Ира, не Таня и не Галя.

При виде огней ресторана захотелось есть. Но ни в карманах, ни в сумке денег не было. Да и откуда им взяться?

– Чудес не бывает, – сказал Сильвио и постучал в дверь. Выглянул швейцар, посмотрел по сторонам и сказал:

– Солдат-то здесь, в общем-то, не бывает. Сюда ходят только офицеры.

Глава третья

– Надень мой пиджак, – сказал швейцар. Он завел солдата в гардероб, где у него был свой угол. – Иди, поешь. А то, я вижу, быка готов проглотить. Я, между прочим, тоже когда-то служил. – И добавил: – В заградотряде. Че, испугался? Небось, я тебя выпущу. Давай, боец, иди ужинай.

Дед не спросил, а солдат забыл, что у него нет денег. От голода обо всем забываешь.

Он сел с краю и заказал бифштекс с луком и жареной картошкой. Он хотел сказать, что картошки надо две порции:

– Если можно? – Но постеснялся.

Далее, водка не убывает, а за еду берут втридорога. Ибо: нет ложки.

– Сколько ты сказал тебе водки? – спросила официантка.

Раньше она работала на офицеров в Германии. Имеется в виду на русских офицеров. И могла сходу определить, сколько у клиента денег. Вплоть до рубля. И всегда знала, сколько и чего можно принести этому офицеру, чтобы осталось на чай. Ну, как минимум три рубля. Пять, или даже десять рублей, она брала только с тех, кто широко гулял. И, следовательно, сам хотел давать чаевые направо и налево. Вот налево она никогда не давала ходу деньгам своего клиента. Бывало, какой-нибудь старлей так разгуляется, что дает:

– На шоколадку, – проходящей мимо молоденькой официантке. Не ей, которая добросовестно на него пашет целый вечер, как дура, а посторонней бляди. Тогда она без зазрения совести добавляет ему в счет:

– Тоже шоколадку, – а ей выливает за шиворот недоеденную клиентом солянку. Но не в зале, конечно, а перед раздачей, у кассового аппарата.

– Ай! Что это?

– Суп. С меня суп, а десерт у тебя есть. – Вот такой простой диалог. Заканчивался он двумя словами:

– Сука!

– Блядь! – Или в обратном порядке.

– Сколько у него денег? – сказала Ин – так звали эту проницательную официанту – самой себе. Но та девушка, которой она недавно вылила за шиворот полтарелки супа, подумала, что Ин обращается к ней, и спросила:

– У кого?

– Что у кого?

– Ну, ты спросила:

– Сколько у него денег?

– А ты?

– Я спросила:

– У кого? Я подумала, ты меня спросила.

– Послушай, заткнись лучше, пока я тебя на хер на послала.

– Ты думаешь, я буду молчать? – И добавила: – Старая ведьма.

– Подстилка лейтенантская.

– Давай не будем ругаться, – сказала Та, – так звали эту девушку. – Ведь уже вечер. Я, например, истратила весь боевой запас утром.

– Ну, хорошо, прости, что я назвала тебя блядью.

– Ты не называла.

– Да? Ну, хорошо, тогда прости меня просто так.

– Нет-т! За блядь ты у меня, сука ответишь! – И Та замахнулась подносом. Но ударить по голове Ин не смогла, потому что Ин давно знала этот прием Та, и сразу же подставила свой огромный круглый поднос, на котором она умещала шестнадцать заказных блюд, под удар противницы.

Повара обрадовались развлечению, и стали кричать:

– Давай, давай.

Директора вечером не было, но появилась администратор, и попросила всех помолчать.

– Ин, иди, тебя просит клиент. Ну, тот, в синем пиджаке и солдатских брюках. – И добавила: – Кажется, он хочет заказать Хеннесси.

– Всё, разойдитесь. Быстро. Быстро! – я сказала. Администратор повернулась к раздаче и попросила налить ей чаю с лимоном.

– Я буду в зале. И, повернувшись к Та, добавила:

– Принеси мне, пожалуйста, чай в зал, хорошо?

– Окей.

Действительно, солдат, решил заказать Хеннесси.

Ин хотела спросить:

– Ты где наслушался этой херни? Какой еще тебе тут Хеннесси? У нас бывает только армянский пять звезд. И то, – хотела она добавить, – раз в пять лет.

– Чего желаете? – Ин решила, что спросить так будет лучше. Она никак не могла понять, сколько у парня денег. То она думала, что мало, можно сказать, что ничего. То ей почему-то казалось, что:

– Это богатый человек.

Может быть, даже внебрачный сын Три О, зачатый еще на Авроре.

Она даже спросила:

– Ты на Авторе когда-нибудь бывал? – Ну, так просто, чтобы сделать хоть какой-нибудь шаг в сторону истины.

– Вас не понял. Прошу повторить, – сказал Сильвио.

– С тобой все ясно, – ответила Ин. – В штурме Зимнего ты не принимал никакого участия. – И добавила: – Значит, хочешь заказать коньячку? У нас здесь только Три Звезды. Старлеевский. Но у меня есть свой. Не Хеннесси, конечно, но семилетней выдержки. Настоящий армянский. Десять рублей за сто грамм. Будешь?

– Спасибо, я согласен.

– Согласен, да? Или согласен:

– Нет?

– Ну, хорошо, можешь не отвечать, если для тебя это сложно. Я сейчас принесу коньяк. Тебе сколько?

– А вот столько, сколько войдет в эту кружку. – И солдат подал официантке свою серебряную кружку.

– Триста, – сразу определила емкость серебряной кружки Ин. – Я принесу тебе в графинчике, а потом сам себе будешь наливать. – И добавила: – Ну, или я тебе налью. В Германии я обслуживала генералов. Точно тебе говорю.

Она уже отошла, когда Сильва вспомнил про картошку.

– И да! – крикнул он чуть ли не на весь сто пятидесятиместный зал, – картошки, жареной с луком! Два!

Ин вернулась.

– А ты съешь?

– А че тут есть? – удивленно ответил солдат. Я одну съел, а две так тем более съем.

– Не обращая внимания на логику солдата, эта железная леди общепита взяла счет и быстро посчитала:

– Не одну, а три ты уже съел, – сказала она строго. – Неужели ты забыл? Теперь я понимаю, что ты очень хочешь есть. Бедный. Я не в том смысле, – добавила она. – Не беспокойся, я сейчас принесу тебе большую тарелку картошки. В том смысле, что две порции, как ты просил. А бифштекс один?

– Бифштекс не надо. Тот был слишком жесткий.

– Точи зубы, – сказала Ин, и тут же опомнилась: – Не один, милый друг, а три. Картошки было три, и бифштекса, соответственно тоже было три.

– Как?

– Так. По-другому у нас не бывает. У всех так, – добавила она.

Солдат подумал, что она его обсчитывает. Но все было правдой. Он заметил, что водка из серебряной кружки не убывает. Точнее, убывает, но как только доходит до дна – опять наполняется до полной. И так три раза. Итого – почти литр уже выпил солдат.

– Неужели я не помню, что съел три картошки и три бифштекса? Да ерунда, я бы знал. – Тем не менее, так всё и было.

Из-за того, что у него не было изумрудной ложки, все съеденное им увеличивалось в три раза. Как и все выпитое уменьшалось в три раза. И только потому, что пил солдат из серебряной кружки. Если бы он заказал опять водки, то пришлось бы ему платить уже больше, чем за одну выпитую кружку водки. Ведь только в три раза увеличивалось выпитое. Но он сменил благородный русский напиток – водку – на коньяк, и опять мог пить три раза, как один.

Солдат понял про серебряную кружку, что она увеличивает объем налитого в три раза, но не понял, про еду, что она тоже увеличивалась в три раза, только не в его пользу.

– Она меня обсчитывает, – сказал он. Так просто, чтобы это слышал хоть кто-нибудь. А так как рядом, за этим большим, последним столом у двери, больше никого не было, то и слышал его только он сам. Он и еще его слова об обсчете услышала администратор. Ведь она сидела за своим администраторским столом с другой стороны двери. Всего в нескольких метрах от солдата. Другой бы в этом монотонном шуме ничего не услышал, но не Полина Андревна. Тем более, что во время разговора Сильвио с самим собой музыканты исполняли песню:

– Ах, Одесса, жемчужина у моря! Ах, Одесса, ты знала много горя! Ах, Одесса, ты мой любимый край! Живи, моя Одесса, живи и процветай! – Грохот сидел не только в ушах, но и стоял во всем зале.

– Ваш, коньяк, лейтенант, – сказала Ин, и с улыбкой поставила перед Сильвио графинчик. Свой коньяк продавать хотя и не просто, но приятно и радостно. Так и хочется всем улыбнуться.

– Я не лейтенант, – сказал Сильва.

– Хорошо: старший лейтенант! – сказала Ин, и добавила: – На меньшее я на согласна. – Точнее, она хотела так сказать, но пока что не решилась.

Мимо прошла Та, и парень под гипнозом предложил ей купить шоколадку. Зачем? Ведь у него не было денег!

Та, видя, что благородный лейтенант шарит по карманам, и не находит денег, предложила открыть отдельный счет.

– Потом отдашь, – сказала она. – Да и не надо мне ваших денег.

– Почему?

– Ну, хорошо, потом отдашь. – Ин не было в зале, а администратору Та дала рубль. Так просто проходя мимо, положила на стол рубль и сказала:

– Выпейте кофе, Полина Андревна, вам нужно.

– Почему мне нужно?

– У вас бледный вид, – и засмеявшись, пролетела мимо.

– Ох, опять будет скандал, – вздохнула администратор, и пошла к бару, где был хороший кофе из венгерской кофейварки.

Вы запомнили, что солдата можно звать Сильвио, Сильва и Столетов. Или Столет. Имя? Ну, когда надо, будет и имя. Если, конечно, он будет еще жив к тому времени. А основания для этого уже появились. Ибо в ресторан вошел Ленька Пантелеев в форме майора госбезопасности. Никто не знал, что это форма работника госбезопасности. Думали, так:

– Пограничник. – И все бы его угощали. Ну, если бы думали, что у него денег меньше, чем у них. А так наоборот, к нему подсаживались те, кто был уже на мели, или почти на мели. В частности, Ленька никак не мог отцепиться от двух капитанов-танкистов. И, в конце концов, агент решил пересесть за стол Столета вместе с ними. Зачем?! Ведь можно было сделать проще. Подождать этого Сильвио у ресторана, потом пойти за ним следом и грохнуть в тихом месте. Нет, этот вариант Леньку Пантелеева никак не устраивал. Могло произойти что-то непредвиденное, Столет опять исчез бы, как утренний туман, и тогда заказали бы уже его самого. Надо идти прямо в лоб. Пусть думает, что хочет.

Но Столет не узнал киллера. Ленька на это и надеялся. Хотя и не был уверен. Существует такой эффект Гудини-Достоевского:

– Человек не узнает другого человека, если во время знакомства с ним он был в маске. – Не тот человек был в маске, а он сам! Столетов был в парике медсестры, и, следовательно, был другим человеком. Человеком, которого он не знает, а значит, не знает и киллера Леньку Пантелеева. Только приняв опять образ той блондинки, он мог бы узнать этого агента. Ситуация не простая, и тем более недостаточно проверенная. Но она сработала. Сильва не узнал агента. Тем более тот сейчас был в благородной форме майора. Все получилось так, как и было записано в древних рукописях Майя:

– Маска меняет человека.

– Я тебя нигде не видел, майор, – сказал Сильвио, разливая на четверых уже третью кружку семилетнего коньяка. И добавил: – Я имею в виду раньше. Нет?

– Если бы ты меня видел хоть раз, – сказал Ленька Пантелеев, – то уже не запомнил бы. Сильвио помотал головой и сказал, что ничего не понял.

– Честно, ты сказал какую-то херню. Не обижайся, но ты мудака.

Майор смутился. Он не знал, что ответить.

– Валить вроде рановато. Шуму будет многовато. А с другой стороны:

– Тем лучше. Меня никто не запомнит. Все будут говорить только о форме майора. – Он уже хотел вынуть пистолет, но решил все-таки сначала навернуть глушитель.

– Так, о чем мы говорили? – спросил Сильвио. И добавил: – Я уже пьян. Или нет? Поправьте меня, если что.

– Нет, – загоготали капитаны, – будем пить. Закажите еще что-нибудь.

- Что-нибудь?
- Что-либо.
- Что-либо покрепче.

- Не знаю, сколько у меня осталось денег? – спросил Сильвио неизвестно кого.
- О, деньги! – воскликнул первый капитан.
- Где вы? – воскликнул второй капитан.

Между тем Ин принесла три картошки и три бифштекса. И это уже второй раз. Первый раз она принесла большую тарелку с... честное слово, я уже сам сбился со счета, сколько было бифштексов и сколько жареных картошек заказано Сильвио. При умножении на три получится восемнадцать. Небольшой банкет.

– Давайте выйдем, – сказал Ленька. Но Ин, как всегда в нужное время была в нужном месте.

– Кто-то один должен остаться, – сказала она. – И думаю, это будешь ты, Сильвио. – Несколько минут назад они познакомились. Точнее, Ин услышала, как его называют капитаны и майор, и тоже обратилась к нему:

- Сильвио? Где-то я уже это слышала.
- Их разыскивает милиция! – сказал для смеха один капитан.
- Точно, – сказала Ин, и закрыла рот ладонью.

Дело в том, что зам. командира дивизии по работе с молодняком полковник Зуев заявил в милицию о пропаже Столетова. Этот парень так хорошо и быстро загрузил ему Студебеккер лендлизовской тушенкой и уже заканчивающейся сгущенкой, что он не мог бросить такого парня на произвол судьбы. Поэтому заявил в милицию.

Милиция в зал не заходила. Хотя очень хотела. Один сержант в огромной фуражке, правда, пытался иногда просунуть свою башку между дверями, но ему мешали. И двери, и другой сержант, бывший сержант заградотряда. Со своим напарником сержант вертелся у зеркал и периодически вытаскивал какую-то фотографию. Сверял ее с проходящими мимо, в туалет, людьми – мужчинами и женщинами – и тем оправдывал свое здесь пребывание. Так-то он должен курсировать по улице от вокзала до стометровки. Но кого там ловить? Пьяных? Так у них денег-то все равно никогда не бывает.

- Скажи, Серега? – А если кто и значил рупь, то разве его найдешь.

Ленька попросил одного из капитанов выйти в фойе.

- А мы?
- А вы пока тут посидите, – сказал он.
- Чего? – спросил капитан, когда они вышли из зала.
- Надо валить.
- Как?
- Ты работал когда-нибудь в разведке?

– Нет, я из стройбата.

– Тем не менее, представь, что ты разведчик. Ну кто? Представь, что ты легендарный Абель. Ты, как один в поле воин, работаешь в Англии. И тебе надо уйти. Уйти незаметно из офиса Ми-6.

- Зачем? – спросил капитан.

– Хороший вопрос. Ты уже на крючке. Ты разоблачен, как шпион. Ты хоть понимаешь разницу между шпионом и разведчиком?

- Честно? Нет.

– Все очень просто. Пока разведчика не разоблачили он разведчик. А как только поняли, что он разведчик, то разведчик уже становится шпионом.

– Теперь понял.

– Чего ты понял? Ты понял, что у нас нет денег, чтобы расплатиться за шикарный ужин с коньяком?

– Теперь понял.

– Нужен шухер, чтобы уйти отсюда. И ты его сделаешь. Вот пистолет с глушителем. Входишь и валишь этого Сильвио.

– Зачем?

– Не бойся, пистолет заряжен холостыми. Ты стреляешь два раза. Так это:

– Пиф-Паф.

– Понял? Киллерский вариант:

– Пиф-Паф.

– Понял.

– Повтори.

– Пиф-Паф.

– Хорошо. Из тебя бы получился хороший киллер. Ну, если бы ты не попал случайно в стройбат.

– А это... он, этот Сильвио, в курсе, что я должен его убить?

– Разумеется. Ты стреляешь – он кричит и падает замертво. Начинается шухер. Все кричат, менты, этот заградотрядовец, – майор кивнул на швейцара, официантка, бегут...

– Ну, я понял. Все бегут на помощь Сильвио, а мы уходим.

– Сразу видно, что ты не Абель.

– Почему?

– Не обижайся друг, но ты рожден для стройбата. Где ты видел, чтобы все бежали к месту убийства?

– А куда они бегут?

– Наоборот. Понял? Наоборот, все бегут, куда глаза глядят, только бы быть подальше от этого проклятого места.

– Верно, – подытожил капитан. И добавил: – Все разбегаются, а мы спокойно уходим. Ведь платить-то некому. Но обычно я делаю не так.

– Не надо рассказывать, как ты делаешь обычно. Я уже видел. Бери пистолет и иди.

– Это ТТ?

– А что же это еще? Или ты хотел Агран-2000? Не переживай. Он ничем не лучше ТТ. Главное, не забывай придерживать обойму.

– Зачем?

– Вылетает иногда.

– Обойма?

– А что, по-твоему, обойма не может иногда вылетать? Че ты смотришь? Это не я ее сломал. Заводской дефект. Ты вообще держал когда-нибудь в руках пистолет? Или только совковую лопату?

– Держал.

– Тогда должен знать, что нормальные люди держат пистолет двумя руками. Одной держишь, а другой придерживаешь. Как бы... не знаю, как объяснить тебе.

– Я понял. А другой придерживаешь, как будто это ТТ, и у него выпадает обойма.

– Правильно! Не зря я тебя выбрал. В тебе чувствуется потенциальный киллер. Твоя фамилия не Том Круз?

– Нет.

– Ничего страшного. Это я просто пошутил. Вот Тома ты как раз и завалишь.

– Как бы, в смысле?

– Разумеется.

– Давай.

– Этот сержант в огромной фуражке смотрит на нас, – сказал капитан.

– Ничего страшного. Будет мешать – завалишь его на обратном пути.

– Думаю, у меня не будет времени, чтобы сделать ему контрольный выстрел.

– Хер с ним, обойдется без контрольного.

Капитан с пистолетом под гимнастеркой двинулся в туалет.

– Ты куда?

– Отлить-то перед смертью можно?

– Можно. Но так лучше не шутить перед делом.

– Капитан! – крикнул сержант милиции, когда, тот уже подходил к дверям зала.

– Чего? – резко обернулся капитан. А майор резко шагнул за зеркало. Но в пространство между зеркалами он мог все видеть.

– Что ты испугался? – спросил сержант с усмешкой. И добавил: – Или денег не хватает, чтобы расплатиться?

– Что вам угодно? – хмуро спросил капитан.

– Спички есть?

– Что? Простите, я вас не понял.

– Разрешите прикурить?

– А! Пожалуйста. То есть, нет. Я оставил зажигалку на столе. Хотите пройти к столу?

Этот сержант по имени Ва поперся бы и к столу, в надежде увидеть какое-нибудь нарушение, чтобы вытащить гостя из зала. Но на помощь пришел Ленка Пантелеев.

– Сержант! – крикнул он. – Иди сюда. Я дам тебе прикурить. И закурить. Герцеговину Флор куришь? Или привык к Беломорканалу?

– Герцеговину Флор? Нет, не пробовал. Но, спасибо, майор, попробую. Две можно?

– Можно.

– Угощу своего молокососа, – сержант кивнул в сторону напарника, который угрюмо смотрел на двери, ведущие в зрительный зал. Прошу прощения, не в зрительный зал, а туда, в дымный кабак.

Капитан вошел, и, вместо того, чтобы сразу вынуть пистолет и выстрелить, сел за стол.

– Коньячок у нас еще остался? – спросил он.

– Нет, – ответил второй капитан. И добавил: – Сейчас принесут Брусничный Ликер. – Почему с большой буквы? Редкий случай, когда такой ликер бывал в этом ресторане. Точнее, кроме этого раза, никогда и не был. Прекрасный случай для применения серебряной кружки. Капитан с ТТ за поясом выпил брусничного ликера – второй раз можно с маленькой буквы, ибо внимание зрителей уже привлечено к этому финскому напитку – и только тут заметил, что Столета нет за столом.

– Куда он делся? – спросил капитан капитана.

– Кто?

– Ну, этот, который сидел тут.

– Кто?

Капитан с пистолетом был еще не на столько пьян, чтобы рассказывать своему другу о том шухере, который тут надо было устроить. Он выпил еще рюмку ликера, которая была налита для Ленки Пантелеева, и передумал. А почему бы нет?

– Что?

– А почему бы нет? – сказал капитан с пистолетом. Действительно, какая разница, в кого стрелять? В этого Сильвио, или в своего друга капитана? Пули-то все равно холостые!

– Логично, – сказал сам себе этот новоявленный киллер, и вынул длинный пистолет. ТТ ведь был с глушителем. – Не бузи, – сказал он, обращаясь к своему другу капитану, который начал подниматься. Ну, чтобы спросить:

– За что?

Поздно. Его друг капитан выстрелил.

– Настоящие, – мелькнуло у него в голове. Но что настоящие, кто настоящий, он еще не понял. До ума еще не дошло. Только глаза его, как при замедленном показе, увидели пулю, приближающуюся ко лбу друга. – Эх, поймать бы ее! – Он даже сделал движение рукой, как будто ловил муху. Движение только в голове. А может быть, в сердце. Руке оно не передалось, еще не успело, когда капитан ударился головой об стену, и забрызгал кровью стену и весь стол.

Пистолет был с глушителем. Не все сразу увидели убитого и кровь на стене, на столе, на полу. Первой заорала Та, которой Сильвио пообещал шоколадку, потом пошло, поехало. Администратор завывала, как пожарная сирена:

– Уби-и-и-л-и-и!

Ин схватилась за сердце. Правда, она думала, что убили Сильвио, и теперь платить будет некому. Ведь весь этот небольшой банкет был записан на его имя. Повара бросили раздачу блюд. Как-то:

– Котлета по-Киевски.

– Цыпленок Табака.

– Пельмени в горшочке.

– Бифштекс натуральный, – никто не брал, так как напильников для заточки зубов в придачу к нему не давали. А вот некоторым племенам в Африке выдают. Но все равно не за тем, чтобы есть жесткое мясо, а:

– Для красоты. – Ну это они так говорят, что для красоты, а – уверен – для еды жесткого мяса.

Они собрались в зале, и обсуждали происшедшее. Как-то:

– Кого убили? – Но никто ничего не знал. Второго капитана поймал сержант Ва со своим напарником, и сразу увел в раздевалку, посадил за столик швейцара, который тут вертелся и просил освободить свое рабочее место.

– Почему вы посадили его сюда?

– А куда? – спросил Ва. – В туалет, что ли?

– Веди куда хочешь. Ты видишь, у меня руки трясутся.

– От страха, что ли? – спросил Ва.

– Да я... – швейцар махнул рукой и вышел из гардероба. – Я таких в заградотряде из Максима косил.

Ленка Пантелеев думал, что убит Сильвио. А кого еще? Действительно:

– А кого еще? – Больше некого. Он заглянул под стол. Кровавое месиво. Ничего нельзя было разобрать. Хотя он заметил, что брюки военные. Но и у солдата брюки были военные. Разве тут различишь:

– Солдатские или офицерские? – Конечно, нет. Да и додуматься до такой превратности судьбы он не мог. Это было бы выше его понимания. Да и никто бы не подумал, что капитан выстрелит в своего друга капитана. Но здесь майор ошибался. Он-то всегда думал, что пули настоящие! И не принимал к серьезному рассуждению, что в пистолете холостые патроны. Какие холостые, если они настоящие. Он сбегал на почту и позвонил Абелю. Мол, бабушка приехала. Подробности шифрограммой.

Каково же было удивление майора, когда он вернулся в ресторан. Ресторан, правда, был закрыт, но работники собрались за одним столом за не заказанными антрекотами и водкой. Они по очереди хватались за головы, пили, ели антрекоты – за долгие годы работы зубы у всех были хорошо заточены – и даже пытались шутить.

Ин сказала:

– А я уж думала, убили тебя, – она по-дружески хлопнула Сильвио по плечу. – Думала, плакали мои денежки.

Да, друзья мои ему повезло. Парень перепил и решил выйти поплевать в туалет. Однако Ин была на страже своих денег. Она по опыту знала, что гости сбегают обычно прямо из туалета. Выходят из туалета и сразу направо и на улицу. Они почему-то считают, что так лучше. Поэтому Ин вывела Сильвио через кухню на внутренний двор, посадила под деревом и ушла, сказав:

– Посиди тут, по блюй. Легче станет. – Правда, тогда непонятно, почему она думала, что убить могли его же. Тут, я думаю, происходит обычное дело:

– После дела все начинают врать, совершенно не обращая внимания на противоречия. – И, следовательно, никаких противоречий нет.

Отлично. Майор увидел Сильвио, попивающего томатный сок из своей серебряной кружки, и... и все равно ничего не понял. Его позвали за стол и просветили:

– Капитан убил капитана.

– Я не верю, – только и смог ответить Ленька.

– Во что ты не веришь? – воскликнуло сразу несколько человек.

– Так не бывает! – в отчаянии воскликнул Ленька Пантелеев.

Далее, Сильвио должен расплатиться. Он берет золотой гребень, причесывается в фойе у зеркала, и вдруг замечает, что на пол падает золотая пятерка.

– Ну, – сказала с радостным вздохом Ин, – пора расплатиться. – И она повернулась к... к майору.

Та, которая его обслуживала, поперхнулась кофе.

– Блядь, кофе двойной за тридцать из-за тебя пролила, – сказала она. И добавила: – А с тебя, Сильвио, – теперь все знали, что его зовут Сильвио – шоколадка. Ты обещал.

Тем не менее, майор сначала расплатился с Ин. Ей он обещал бутылку коньяка. За что? За то, что подсадила его за стол к Сильвио. Уже после того, как он посидел за столом Та. Это был опасный свидетель. И Ин, хотя ничего не понимала, вдруг почувствовала этот холод, когда Ленька с ней расплачивался за коньяк.

– Ты страшный человек, – сказала она, хотя и с улыбкой. Зачем сказала? А они такие официанты. Ни хрена за зубами не держится. Кроме своих махинаций с коньяками и водками.

– Все мы страшные, – сказал Сильвио. И добавил: – Пока хорошенько не напьемся.

– Нет, – уточнила Ин с самым серьезным лицом, и убрала деньги за Ленкин коньяк в передник, – нет, – опять повторила она, – ты опасный человек. Я чувствую. – Действительно, почему бы ей это не почувствовать? Ведь она могла точно угадать, сколько в кармане у клиента денег.

– Я? – спросил Сильвио, чтобы хоть как-то оттянуть минуту расплаты.

– Нет, не ты, – и она в третий раз указала на Ленку Пантелеева. Как можно так поступать? Зачем? Получается, что человек видит опасность, но до конца не доверяет своей интуиции. Не доверяет Невидимому Миру. Впрочем, я и сам не знаю, почему так происходит.

Некоторые нервно рассмеялись. Ин сама разрядила обстановку. Она сказала:

– Ну, теперь ты, счастливый человек.

– Я? Что я? – спросил Сильвио.

– Расплачивайся. Хватит улыбаться. Мне надо деньги сдавать.

Тут все начали громко смеяться. Как солдаты на Пляже Омаха, когда пулеметная очередь прошла над их головами. А, собственно, чему тут радоваться? Она ведь не последняя. Хотя, конечно, повод есть:

– Если первая не попала, то и вторая не попадет.

– У меня нет денег, – сказал Сильвио.

– Повтори, пожалуйста, что ты сказал.

– У меня... – Тут в зал ввалился повара с двумя бутылками водки и большой тарелкой жареных цыплят. Точнее, это была одна большая курица, нарезанная на небольшие кусочки, обжаренные в духовке до красновато-желтого цвета. Ну, практически:

– По-Пекински.

– Можно... можно, я схожу в туалет? – сказал Сильвио.

– Иди, конечно, – сказала Ин. И добавила: – Но не думай, что убежишь. Там заперто. Впрочем... – Ин хотела сказать, что можно и не платить, но тогда придется пожить с ней пару месяцев. Но передумала: слишком дорогое получилось бы для нее это удовольствие.

– Счет можно? – спросил Сильвио.

– На, возьми, – и Ин протянула ему счет. – Там я сразу добавила на две шоколадки и на чай. Всего тридцать рублей.

– Всего? – спросил Сильвио и заглянул в бумажку. Ужас!

– Пятьсот рублей. – Включая чаевые и две шоколадки. Тут он вспомнил, что бифштексы с луком и жареной картошкой умножались на три.

Ладно. Непонятно, на что он надеялся.

Сильвио зашел в туалет, потом вынул золотой гребень и причесался у зеркала. Он уже собрался убрать гребень в свою синюю сумку, где лежала также серебряная кружка, как заметил, что перед глазами у него что-то блеснуло. Сверкнуло таким благородным желтым цветом. Как будто золото.

Сильвио нагнулся. Нагнулся и поднял с пола золотую пятерку. Обычно ее продавали здесь именно за пятьсот рублей.

Он хотел попробовать еще раз. Он уже вынул из сумки золотой гребень, уже приподнял его перед зеркалом, но... но передумал. А вдруг пятерка исчезнет. И тогда гадай, сколько раз надо причесаться, чтобы золото прибывало, а сколько, чтобы убывало. Может, никакого такого кода и не существует, а вдруг существует?

– Не буду рисковать, – решил он, и убрал расческу назад, в сумку.

Он подал золото Ин.

– Настоящая? – спросила она.

– Да настоящая, настоящая, я отсюда вижу, – сказала другая официантка.

– Дайте нам посмотреть, – сказал один повар. Другие тоже заинтересовались.

– Не хочешь, я возьму, – сказала Та. – Пятьсот рублей? У меня есть.

– Пятьсот дорого, – начала было Ин, но сама тут же вынула пятьсот рублей и уже отдала их солдату, когда вспомнила, что он ей должен. Как раз пятьсот рублей. – Совсем, блядь, закрутили, – сказала она, и отобрала деньги у Сильвио. Он пошутил:

– Я уже к ним привык.

– Привык, отвык! – громко сказала Ин. И добавила: – Деньги зарабатывать надо.

Глава четвертая

Все покинули ресторан. Сильвио не знал еще, куда ему идти, и судьба сама нашла ему место для ночлега.

Они шли к стоянке такси, когда Ленька Пантелеев предложил притормозить, и зайти пописать во двор четырехэтажного дома. До стоянки оставалось не больше тридцати метров.

– А я вас здесь ждать, что ли буду? – спросила Та. Она жила в военном городке, и думала ей по пути с офицерами. Хотя вроде должно было уже быть понятно, что он солдат. Простая логика:

– Солдаты в ресторан не ходят – значит, он не солдат.

Ленька и Сильвио прошли в темный двор.

– Ты куда?

– Мы должны писать вместе? Я майор, а ты? Ты ведь солдат, не правда ли?

Сильвио промолчал, а Ленька Пантелеев пролез между сараями и достал пистолет. Он спрятал его здесь еще днем. Это был простой Макаров.

– Что это? – спросил Сильвио, отходя от стены.

– Ничего личного, – ответил Ленька. И добавил: – Впрочем, можешь считать, что есть и личное. Ты ведь ударил меня по шее. Помнишь?

– Нет. Серьезно? Ты тупее, чем я думал. – Ленька навел ствол Макарова на героя.

Казалось бы, всё ему уже не спастись, но вдруг Сильвио увидел сзади Леньки фигуру в темноте. Кто бы это мог быть?

А это был Оловянный. Он приехал из деревни, чтобы передать Столетову задание от следователя Швецова по кличке Юрист. Леньку он не узнал.

– Брось пистолет, – негромко сказал Оловянный. Одна рука у него была перевязана. Он с радостью пристрелил бы самого Столета, но дело есть дело. – Бросай, или я стреляю.

Ленька мог бы упасть на землю, прокатиться и расстрелять стоящего сзади Оловянного. Но пистолет у него был без глушителя. Сбегутся менты. Можно не успеть уйти. Да, и человек этот сзади с пистолетом, здесь, видимо, не случайно. Может и попасть.

– Ладно, сдаюсь, – сказал он, и бросил пистолет в сторону.

Капитан Оловянный подошел сзади и ударил в точку около затылка. Киллер рухнул, как подкошенный.

Они сели в тачку. Та сказала:

– Как меняются люди! – Она знала Оловянного. Но не хотела оставаться сегодня ночью ни с солдатом, ни с этим недоделанным капитаном. Так она называла Оловянного.

– Где мой любовник? – спросила она. – Нет, я серьезно спрашиваю. Где он? Я хотела пригласить вас к себе домой, – добавила она, но без него – нет. Я вас спрашиваю, где он?

– Валяется во дворе, – сказал Оловянный.

– Убит? – спросила Та.

– Да, – ответил Оловянный.

– Правда?

– А что я должен с ним цацкаться?

– Поверните назад. Разворачивайтесь, я сказала! – И Та кинула таксисту десятку.

– Не разворачиваться, – сказал Оловянный.

– Хорошо, – сказала Та. – Тогда платить будешь ты, козел.

– Я козел, но платить я не буду, – сказал Оловянный. И это было правдой. Ибо он не платил никогда. Такая у него была натура. Да и откуда деньги у бедного капитана? Те, что ему подкидывал Юрист, он копил на гражданские вещи. Как-то:

– На костюм адидас, на фирменные кроссовки, на дорогую рубашку. Хотел выглядеть не как недоделанный второразрядник, а как мастер спорта. Хотя до мастера спорта ему было, как до полковника. Так ему и сказала Та, когда он пришел к ней переспать. Он так и сказал:

– Хочу с тобой переспать.

– Нет, – ответила она. Я сплю одна

– Я знаю, что на прошлой неделе ты спала здесь с барменом ресторана.

– Нет, я с ним не спала.

– Сказки, я подсматривал за вами через окно. Там занавеска была не полностью задернута.

– Да?

– Да,

– Тогда ты должен был видеть, что я с ним не спала, а трахалась. А ты, к сожалению, до сих пор не понимаешь этой разницы. Дорос до капитана, а разницы не понимаешь.

– Между чем и чем?

– Между сном и реальностью.

– Пойму, когда буду полковником, – сказал Оловянный.

– Ты никогда не будешь полковником, – сказала Та.

– Почему?

– Потому, что ты свинья.

– Я свинья?! – И Оловянный хотел провести ей удар в солнечное сплетение. Так это, правой между ребер. Но быстрая официантка взяла со стола утюг и нанесла сильный удар по руке боксера. На следующий день в ресторане она поставила Оловянному бутылку водки. Он ей сказал, что теперь руку могут отнять.

– Повреждены сухожилия.

– Ладно, – сказала она, – выпей, чтобы быстро срослись. Как у Ахилла.

– Он пил водку?

– Я ты думал, я налью тебе брусничного ликера. Или Белой Лошади?

– Нет?

– Нет.

– А когда нальешь?

– Когда оторву ноги.

– Ладно, буду ждать.

Оловянный хотел было протестовать, когда таксист повернул назад к вокзалу, но решил пока больше не спорить с Та. Может не пустить на свою хату. А так хотелось небольшого продолжения банкета. Всем хотелось. Ведь рестораны закрывались очень рано. Вроде бы:

– Только начинать надо в этом время. – А они уже закрывались. Представляете? Официанты снимали кассу в десять вечера.

Леньку они нашли недалеко от того места, где киллер упал в лужу мочи. Ведь не все подходили к стенке, как это положено мужчинам. Некоторые делали это, не доходя до стены дома. Тем более, здесь могли быть и женщины. А куда? Куда ходить в туалет после ресторана? Только во двор дома на противоположной стороне улицы. Ну, те, кто переходил улицу. А те, кто оставался, то и здесь был большой дом, где можно было сходить в туалет, а на не запирающемся большом балконе потрахаться.

Таксист сказал:

– Я такого обоссанного не повезу.

– Двойной счетчик, – сказала Та. Она помогала Сильвио тащить этого гада до машины.

Оловянный принципиально отказался.

– Да мне легче пристрелить его совсем. – сказал он.

– Тройной, – сказал таксист. – И добавил: – И только в багажнике.

– Что?

– А то. Я обоссанных вожу только в багажнике. – И добавил: – И только за тройной счетчик. – Потом опять добавил:

– Да не беспокойтесь вы! Это Волга. У нее багажник специально для этого предназначен.

Та никак не могла поднять ноги Ленки. Она попросила Оловянного:

– Помоги. Не видишь, у меня уже сил нет после работы.

– Чирик, – сказал Оловянный из окна.

– Хуирик, – как обычно ответила Та. Оловянный понял, что спорить бесполезно. Пришлось поднимать Ленку Пантелеева в багажник Волги.

– У тебя водка есть? – спросил он Та. – Не пить – на руки полить. Нет, честно, его ссанье плохо пахнет.

– Своим полей, – только и ответила Та.

И они опять поехали.

Все вошли в квартиру.

– Задержись на минуту, – сказал Оловянный, Они вышли из дома, Оловянный осмотрелся.

– Вот задание, – сказал он и вынул бумажку. Сильвио хотел взять ее, но капитан смял бумажку и опять убрал в карман. – Я скажу на словах. Нельзя оставлять никаких улик. Конспирация. Ты понял?

Сильвио пожал плечами.

– Ты не согласен?

– Согласен на что, или не согласен на что?

– Повтори, я не понял, – Оловянный потряс головой.

– В другой раз.

– В другой раз? Ну, хорошо. Тогда слушай. Клиент приезжает на вокзал. У него за подкладкой пиджака двадцать пять тысяч. Возьмешь и передашь мне.

– Я никого грабить не буду, – сказал Сильвио. – Я не бандит.

– Окей. Тогда сядешь за нападение на сержантов и на меня. И это еще не все. Милиции уже известно, что ты ограбил склад. Продал два Камаза тушенки и сгущенки, которой у нас осталось и так не так много.

– Один был Студебеккер.

– Что?

– Второй был Студ.

– Студ? Ладно. Так что ты выбираешь?

– Хорошо, – сказал Сильвио. – Когда? – И уже двинулся было в подъезд.

Капитан посмотрел на часы.

– Сейчас.

– Сейчас?! Да вы шутите?

– Нет.

Из квартиры вышла Та. Она жила на первом этаже.

Видя, что Сильвио собрался уходить, Та сказала, что не отпустит его. У меня готовы манты. Заходите.

– Я один зайду, – сказал Оловянный.

– Нет, нет, Сильвио, заходите. Я вас не отпущу.

– Я должен идти.

– Куда вы пойдете? Оставайтесь. А ты, Оловянный, отстань от него. Иначе сам пойдешь на манты в казарму. Там тебе будут и манты, и панты.

– Я им не команду. Он сам хотел куда-то идти.

– Вот и хорошо. Иди сюда, Сильвио.

И он зашел в квартиру, съел два манта, и... заснул. Как Оловянный не будил его – бесполезно. Сильвио спал, как убитый.

– Этого не может быть, – сказал Оловянный. Пот капал с его лица. Наконец, он выдал:

– Кто-то подсыпал ему снотворное.

– Думаю, это не снотворное, – сказала Та. И знаете почему? Он не дышит.

– Отравился мантами, что ли? – сказал Оловянный.

– Да какими мантами? – возмутилась Та. – Ты ел, а жив. Я ела – и тоже жива. Он не ел, – она кивнула на Ленку Пантелеева, который до сих пор так и не пришел в себя, а тоже не умер. Манты здесь не при чем. Ты меня не пугай.

Тем не менее, Сильвио не шевелился.

Никто не заметил – все были увлечены варкой мантов – как бессознательный Ленка Пантелеев чуть-чуть приоткрыл глаза, приподнял голову и бросил в тарелку Сильвио маленький шарик. Он был незаметен среди крупных лепестков черного свежемолотого перца. Сразу-то еще можно было его заметить, Он только через минуту исчез среди перчинок. Но, как я уже сказал, все были заняты варкой мантов. Один просил добавить побольше соли, другой черного свежемолотого перца, другая хваталась за голову, что забыла добавить стручок красного острого перца, без которого манты можно сразу, не пробуя, выбросить на помойку. И кроме этого каждый еще насыпал себе перцу в свою тарелку. Как будто люди никогда не ели перца. Но, во-первых, это была баранина, во-вторых, в этот вечер Та хвалилась новым способом измельчения перца горошком. А это была импортная ступка с гранитным пестиком. Та уверяла, что в Германии теперь так все делают.

– И знаете почему?

И сама же себе ответила:

– Так вкуснее.

– А секс мантов между собой не обязателен? – пошутил Оловянный. Но Та ничего не ответила. Она была поражена сексуальной озабоченностью Оловянного. Обычно, кроме бокса, кроссовок, адидасов, в голове его ничего не было. Нет было, я просто забыл. Главное, что в ней было, это выпить с кем-нибудь вина или водки. И что самое главное:

– На халяву. – Он считал, что это нормально. Ибо:

– А откуда у капитана деньги на водку? – А тем более на брусничный финский ликер или на Белую Лошадь, которая, впрочем, ничем не лучше нашей самогонки. Но название... Нет, не в этом случае. Белой Лошади даже название не помогало. Самогонка и больше ничего. Только бутылка не обычная. Вот он, Дикий Запад, бутылка красивая, а внутри все то же дерьмо. Так говорил Заратустра. Ибо:

– А что еще он мог сказать? – Вкус хорошего вина заложен в людях генетически. А иначе:

– Почему им не нравится самогонка? – Да и водка тоже. Более того:

– Им не нравится даже полусладкое шампанское. И брют, если и пить, то только со льдом.

А где его столько взять, если льдогенератор постоянно ломается?

– Может и мне лечь? – спросил Оловянный.

– Зачем?

– Все лежат, почему бы и мне не очухаться? Точнее, не окочуриться. Все равно меня теперь грохнут.

И он с дуру рассказывает Та, что через час Сильвио должен был идти на дело.

– Двадцать пять тысяч, – говорит он.

– И все ты возьмешь себе?

– Половину. Половину от этой половины я должен был отдать этому Сильвио. – На самом деле он сказал неправду. Деньги Сильвио должны были пойти в уплату, придуманного Юристом для Сильвио долга.

– Я пойду с тобой, – решает Та. – Мне нужны деньги. Какая моя доля будет, ты сосчитал уже?

– Шесть тысяч.

– А твоя?

– Немного больше. Шесть с половиной. Но я же главный.

– Ты главный? Хорошо. Но если я окажусь главной, то ты отдашь мне эти пятьсот рублей.

– Зачем тебе пятьсот рублей?

– Куплю себе на зубы золотую пятерку.

Они вызвали такси, и поехали опять на вокзал. Сильвио и Леньку оставили лежать на диванах. Просто пока они не успели придумать, куда их девать. Впрочем, Оловянный одну идею высказал, но Та пока что отказалась.

Что он предложил?

– Надо отвезти их на кладбище, – сказал Оловянный.

Это был молодой Борис Бер. Зачем он сюда приехал? На большую карточную игру? Сомнительно. Здесь не было таких игроков. Тогда зачем? Купить новую Волгу? Это возможно. Здесь люди могли иметь чеки. Но вроде бы двадцать пять тысяч – это дороговато. Хотя, это примерно один к пяти. Думаю, как раз.

Так и ребята решили:

– Приехал за машиной.

На вокзале они встретили местного авторитета. Его звали Нерон. Весьма странная кличка. Как-то сюда заехал на гастроли Чарли Чапли... Прошу прощения, не Чарли Чаплин, а его сын. Точнее, даже не сын, а как бы это сказать?.. В общем, это был сын Аркадия Райкина, но его здесь прозвали Чарли Чаплин. Однажды его после гастролей пригласили в ресторан, как раз в тот, где работала Та. И опять таки:

– Как раз в это время здесь, в ресторане, были молочные поросята. – Разумеется мертвые. Думаю, в этом нет ничего страшного. Да и вообще, этот роман можно назвать:

– Посмертными записками Пиквикского Клуба. – Да, друзья мои, мое участие здесь незначительно.

Итак, бармен пригласил Чарли Чаплина... Еще раз:

– Итак, бармен этого большого ресторана пригласил сына Аркадия Райкина на мертвого поросенка, зажаренного в духовке. Это было уже после закрытия, когда актер уже отыграл свои роли. Туда же зашел и здоровый парень, которого звали... впрочем, это уже не важно, ибо актер на полуночном банкете дал ему кличку, которая прилипла к этому парню навсегда. А именно:

– Нерон. – И совсем не потому, что парень был кровожадным, как Нерон. Кого тут убивать-то? Просто поросенок был довольно противным. Вы ели молочного поросенка? Не ели. И не надо. Мяса мало, а жир такой мягкий, непривычно противный. Но Нерон жрал его, как будто это был его любимый шашлык из свинины. Я люблю из говядины. Пусть он жестче, но лучше. Так вот этот Нерон никак не мог запомнить имени актера. В конце концов, тот обиделся, и сказал:

– Ты как Нерон, ничего не помнишь.

– А чего не помнил Нерон? – спросил парень.

– Он никогда не запоминал, кто сжег Рим. Ему говорили:

– Да ты, блядь, и сжег! – А он отвечал, так это подумав для приличия сначала:

– Нет, вот что хочешь делайте:

– Не помню.

Кончилось тем, что Нерон назвал актера ебаным Чарли Чаплиным. Первое слово забылось, а два других так и закрепились за Райкиным в этом городе.

До прихода поезда оставалось всего десять минут, и Оловянный и Та начали дрожать. Так бывает. Человек долго не может решить:

– Как это оно там будет, в будущем? – А вот за десять минут до решающего шага вдруг понимает, что пятый выстрел будет неудачным. Пуля пойдет в молоко. Ну, если это биатлонист. Его начинает колотить так, что никакие заклинания, никакие установки психолога, ни какие уговоры тренера не помогают. Ничего не действует – его трясет и все. Все, что он ни вспомнит хорошего, положительного оказывается бессильным перед:

– Предвидением. – Так и они поняли, что вдвоем не справятся.

– Давай возьмем в долю Нерона, – сказала Та.

Оловянный сам думал о том же. Он сказал:

– Как делить будем?

– Всем по четыре, может быть? – сказала Та.

– Хватит ему и две, – сказал Оловянный.

– А мне за что четыре?

– Тебе?

– Может быть, ты и мне убавишь?

– Нет, нет, не беспокойся. Ты получишь свои четыре. Немного еще накопишь и купишь себе Восьмерку.

– Да, тут один одноглазый официант из другого ресторана предлагает Восьмерку. Представляешь, выиграл в лотерею.

– Или купил билет.

– А какая разница? Важно, что он продает за восемь с половиной. По своей цене. Мне еще надо четыре с половиной! Это много. У меня только две с половиной. Ты мне добавишь?

– Посмотрим.

– Вообще, это действительно плохо, делить шкуру неубитого медведя. Раз и запоешь:

– Мишка, Мишка, где твоя улыбка? Полная задора и огня? Самая нелепая ошибка, Мишка! Что же ты уходишь от меня? Мишка...

– Ну, че, подойдем к нему? – спросил Оловянный. – Вот он разговаривает с таксистом. Нерон помахал рукой.

– Он нас заметил.

– Он давно нас заметил. Халявщик.

– Да, у него никогда нет денег, – сказал Оловянный.

– Как и у тебя, – сказала Та.

– У меня? У меня есть деньги, – сказал Оловянный. Та промолчала.

Но Нерон сам подошел к ним.

– Ну, чего вы тут третесь? – как всегда в форме грубой шутки спросил Нерон. И добавил: – Встречаете кого-нибудь?

– Бабушку, – сказала со смехом Та. И добавила: – Сейчас подойдет поезд. И:

– Ты нам не поможешь?

– Встретить бабушку? Она, что, везет золотые яйца? Это я могу.

– Уже время, – сказал Оловянный. Он почти каждую минуту смотрел на часы. – Расскажу по дороге.

– Значит, денег двадцать пять тысяч, – подытожил Нерон, а мне – две тысячи.

– Хорошо. Но лучше две с половиной.

– Чем лучше? – спросила Та.

– Считать легче. Десять процентов.

– Я тебе посчитаю на машинке.

– Хорошо, пусть будет две с половиной. Больше никак. Мы ведь тоже – только исполнители. Там, – он показал пальцем вверх, – есть люди. – Нерон взглянул на звезды и добавил:

– Нет, не думаю. Если бы они там были, мы бы, наверное, уже знали об этом.

Борис Бер вышел из поезда и сразу сел в такси.

– Он заказал такси прямо сюда, – ахнула Та. – Что будем делать?

Нерон подошел к таксисту, который вышел из машины и курил. Очевидно, что он тоже был заказан.

– Послушай, Семен, – сказал Нерон, – ты можешь поехать за той машиной? Там кто?

– Лева. Но, извини, я заказан.

– Машина уйдет. Мы наверху кого-нибудь пошлем на твой заказ.

– Кого? Там уже никого нет. К тому же, – добавил Семен, – я встречаю тещу.

– Послушай, Сеня, очень надо. Давай догоним Леву.

– Тройной счетчик, – сказала Та. И добавила: – Похоже, за меньшее здесь никто не катает. Каталы.

– Вот она уже идет, – сказал Семен. – Не могу Нерон. Скандалу будет на неделю. Скажет:

– Единственный раз попросила встретить из Москвы, и то не мог.

– Да она у тебя каждую неделю ездит в Москву, – засмеялся Нерон.

– Да, – согласился Семен. Один раз не встретил, так теперь каждый раз предупреждает, что убьет, если опоздаю хоть на минуту.

Но ребята не зря взяли Нерона. Он смог за минуту, даже меньше, уговорить тещу Семена. Она согласилась подождать.

– Главное, не ошибиться, куда он повернул, – сказал Нерон, когда они тронулись. Направо, или ушел налево. Не ошибиться бы.

Таксист повернул налево. Навстречу вдалеке горел зеленый огонек.

– Сейчас спрошу, не встречал ли он Леву, – сказал Семен. Он мигнул фарами, и спросил встречного таксиста:

– Леву не видел?

– Нет.

– Нет, – повторил Семен и добавил: – Похоже, теще придется покурить. А это проблема.

– А в чем проблема? – спросила Та.

– Она не курит, – вздохнул таксист.

Они крунулись до военного городка. Машины здесь не было. Потом до рабочего поселка. Нет.

– Че мудрить, – сказал Нерон, – гони в гостиницу.

– Так его не было на той дороге, – подал свой голос Оловянный.

– Не было, – сказал Нерон. – Но и у нас нет другого выбора. Нет – значит, нет. Будем ждать Леву на стоянке у вокзала.

Ехать на вокзал не пришлось. Лева стоял у гостиницы.

– Отвез? – спросил Семен.

– Кого? А, этого с вокзала? Да, здесь остановился.

– Мама, мия, – подумал Нерон, – сколько народу знает. Засветились капитально.

– Ну, ладно, спасибо, – сказал Нерон, – Довези меня теперь до дома. Это ведь по пути. – Это было не совсем по пути. Но направление тоже. Так квартал лишний туда, квартал сюда. И таксист, конечно, не сказал ни слова против. Только кивнул.

Нерон вышел и позвал с собой Оловянного и Та.

– В картишки сыграем, – сказал он. – Все равно теперь делать нечего.

Как-то раз пьяная Та и еще несколько официантов завалились домой к Нерону, чтобы выпить и поиграть в карты. Так, для развлечения. Он жил в сарае, чтобы по ночам не мешать семье. Друзья часто навещали его поздно вечером. Там у него был, можно сказать, рабочий кабинет. И сейчас там спал один друг. Друг по имени:

– Мо. От слова Молдаванин. – Пришлось сказать и ему.

Сначала он был безразличен. Давал разные советы, но так, как будто со стороны. Потом предложил помочь.

– Так, чисто символически, – сказал он. – Мне не надо денег. Чисто символически, за кабак.

У Та покраснели уши. Она поняла, что влипла, как дура. Надо было выпутываться.

– Мне завтра на работу. Я поеду домой.

– Ты говорила, у тебя выходной, – сказал Оловянный.

– Я этого никогда не говорила.

– Если она хочет домой – пусть едет, – сказал Нерон. И добавил: – Нам больше достанется. – Он так сказал, хотя знал, что сегодня они никуда не пойдут. Просто узнают, в каком номере остановился:

– Этот парень. – А это было просто. Все, кто там работал администраторами, были ему знакомы. Хотя все больше народу могли бы стать свидетелями, если бы вышла осечка.

Мо так и сказал:

– Чем дальше, тем очевиднее, что это очень опасное дело. – И добавил: – Я буду спать, завтра мне-то действительно на работу.

Далее, квартира Та.

Она села, вздохнула, и прилегала. Но тут же встала, и выпила рюмку коньяку. Что делать с этими покойниками?

– Я не могу спасти с ними в одном доме. – Она подошла сначала к Сильвио. Помахала ладонью перед его ртом. Как будто так можно было уловить ветерок дыхания. Ей показалось, что ветерок есть. Она помахала еще раз, но теперь ей показалось, что дыхания нет. Ну, нет, значит, нет. Покойник. Едва она подошла к Леньке, как тот схватил ее. Схватил за шею и... и начал целовать в засос. Как Осьминог. Она упиралась руками в его грудь, но этой силы не хватало, чтобы оторваться от этого головоногого моллюска. Тогда она залезла на него, и уперлась коленями в грудь. Мало. И тогда она завела пятки под его подбородок, и рванулась изо всех сил. Ленька вынужден был отпустить свою жертву. Вот только я не понимаю, как ей удалось завести пятки под подбородок. А с другой стороны, что здесь уж такого удивительного? Маркиз де Сад описывал случаи и более невозможные. Для человека, можно сказать, вообще не реальные. Однако как-то это у него получалось.

Ленька встал, пошатнулся и, как ни в чем не бывало, попросил растереть ему плечо и затылок.

– У меня только коньяк, – сказала, заикаясь Та. Потом немного отдышалась и добавила:

– Самогонка есть.

– Лучше коньяк, – сказал Ленька, ощупывая шишку на затылке.

– Обойдетесь самогонкой, – сказала Та, оправившись после первого поцелуя этого монстра.

Тем менее, он выпил и коньяк, и растер себе шею самогонкой.

– Надо похоронить его, – сказал Ленька.

– Мне кажется, он еще жив, – сказала Та.

– Ерунда, – сказал Ленька. – Натуральный покойник. – И добавил: – Я уверен.

– Скоро утро, – сказала Та.

– Мы успеем, – сказал Ленька.

– Успеем что?

– Похоронить его.

– Ты с ума сошел! Я никуда не поеду.

– Ну, хорошо. Пусть он живет здесь.

– А где мы возьмем машину? Я до вокзала больше не дойду. Я устала. Я хочу спать.

– Ну хорошо. Давай пока засунем его под... – Ленька поискал глазами кровать, куда бы можно было засунуть Сильвио, но ее не было. Только диваны. Пусть лежит на диване, – сказал он. – Только в другой комнате. Туда никто не заходит?

– Везде все заходят, – сказала Та. И добавила: – Хорошо, давай перенесем его туда.

Но удержать Сильвио они не смогли, и потащили за ноги. Потом с большим трудом уложили на другой диван.

– Покрой его чем-нибудь.

– Я не хочу, чтобы здесь был покойник, – сказала Та. – Еще есть время. Надо отвезти его на кладбище. – Она помолчала немного и добавила: – Ты пойдешь за такси.

– По телефону вызвать нельзя? – спросил Ленька.

– Здесь не Москва. Таких услуг пока еще не придумали.

Ленька послушно пошел за такси. А это пешком минут тридцать.

Глава пятая

Было уже утро. Солнце вот-вот должно было появиться из-за горизонта, когда они покинули кладбище.

Где они закопали Сильвио? А они его и не закапывали. Ленька нашел сторожа, и сторож за двадцать рублей показал им место. Это была свежевырытая могила. Леньку просто положили туда и забросали еловыми сетками. На большее у них уже не было сил. Да и таксист психовал у дороги. Как они об этом узнали? Догадывались. Да он и орал периодически, что сейчас уедет. Но это сначала он кричал. Потом стал каждые пятнадцать минут выкрикивать цену. Точнее, показания счетчика, который был у него в уме. Дело дошло до двухсот рублей. Та сказала, что лучше пойдет пешком, чем заплатит такую сумму.

– Но только у меня нет сил, – сказала она. И добавила: – Я буду спастись здесь. Вместе со сторожем. Но Ленька сумел договориться с таксистом. Таксист замолчал, и всю дорогу до дома, не сказал больше ни слова.

– Что ты ему сказал? – спросила Та, прежде чем пойти в душ.

– Правду.

– И что это за правда такая, что люди уже не хотят брать деньги за работу?

– Я сказал ему, что деньги он получил вперед, еще на вокзале.

– И это правда?

– Да, я ему напомнил, что иначе он не хотел ехать на кладбище.

– Тем более везти покойника, – добавила Та.

– Про покойника я ему сказал, что это живой. Просто некоторое время он хочет побыть в одиночестве.

– И он поверил?

– Стоит поверить в одно, как уже трудно не поверить в другое.

– Я не понимаю, как он мог поверить, что ему уже заплатили, если этих денег у него не было?

– Не всегда люди считают деньги точно. Порой для этого просто нет условий. Допустим, вам отдали долг. А через некоторое время вы продали магнитола, потом дали займы другу. Считать некогда, надо работать. И потом вы можете сколько угодно сомневаться, но уже точно ничего сказать не можете. Почему? Потому что просто не знаете правды. Многие мошенники пользуются этим правилом. Но не всегда сами понимают, как безошибочно пользоваться этим приемом. Точнее, они почти всегда действуют наугад.

– А ты нет?

– Я точно, чувствую, когда этот прием сработает, – сказал Ленька Пантелеев.

– Это магия?

– Я сам не знаю. Возможно. Ладно, иди в душ, а то я уже сильно хочу спать.

– Иду. Только не думай, что я буду спать с тобой. – Но Ленька даже не слышал этого предложения. Он мгновенно отключился. Как робот.

Одна девушка решила выйти замуж. Зачем? Так ли это необходимо, как думают некоторые девушки? Несколько человек ее кинули, и она решила во что бы то ни стало выйти замуж. Так сказать хоть за козла. Это непреодолимое чувство так и можно назвать:

– Синдром козла. – Что это значит? А это значит, девушка не просто хочет выйти замуж, а хочет именно:

– По любви.

– Фантастика, – скажет кто-то.

Нет, друзья мои, это правда. Когда говорят, что хотят выйти замуж:

– Хоть за козла, – то имеют в виду, что:

– За любимого козла. – Невероятно, но это так.

Эту девушку обманули, можно сказать, только один раз. Но она решила больше не считать. Так, методом случайностей, можно ошибаться долго, слишком долго. Всю жизнь. И она сама решила найти того козла, которого полюбит. Со многими она ходила на балкон того большого дома, который находился около ресторана. Того ресторана, где Сильвио заработал свою первую пятерку.

Но все было не то. Никакой любви не возникало.

И тогда она решила поступить по-американски. Сделать сама саму себя. Точнее, не себя, а:

– Мужа для себя.

Она поискала в магазинах искусственного мужика. Говорят, есть такие. Но, как это ни смешно, она не знала точно, если ли такие мужики в наших магазинах. Спрашивать вроде неудобно. Однажды она спросила, кивнув на манекен:

– Продается?

Продавщица с утра была в плохом настроении. Да и вообще, продавцы издревле считали себя вправе строить покупателей. Право это они присваивали себе по простому принципу:

– Кого меньше – тот и главный. – И действительно, многие же не могут командовать одним? Нет. Ибо, кому он нужен? А вот один – он всегда в поле воин. И может смело командовать отрядом покупателей. На основании вышесказанного продавщица и ответила:

– Нет. Впрочем, как хотите, только у него нет члена.

В магазины лучше не обращаться, решила Ольга. Так ее звали. Не княгиня:

– Ольга, а:

– Ольга. – Или еще проще:

– Оль.

Она сшила себе мужа из старой телогрейки матери, дырявых болотных сапог отца, и шапки недавно умершего дедушки. Руки? Да нужны ли вообще мужу руки? Она бы сама его на руках носила. Был бы хорошим мужем. Нет, не так, а:

– Только бы она его любила.

– Только бы я любила его. – И она полюбила. Он был прекрасен. Жаль только, что был мертв.

И Ольга решила похоронить его. Ведь если похоронить мертвого, он же оживает.

– Правда, папа? – Думаю, у него нет другого выбора, сказал отец.

– Правда, мама?

– Ты такая умная, доченька, такая умная! Уверена, ты не можешь ошибаться.

Правда, сначала сыграли свадьбу. Ну, а иначе после смерти этот любимый муж посчитает себя свободным человеком, который может быть вообще лишен чувства любви. Собственно, зачем люди женятся? А только за тем и женятся, чтобы любить. Точнее, для того и замуж выходят, чтобы наслаждаться любовью. Как о том же самом мечтала и Наташа Ростова.

На место жениха пригласили соседа. Нерона. Тот начал махать руками и ногами. А ему сказали, что, мол, и сам Король Артур посыл своего Первого Рыцаря, чтобы вместо него женился на леди Ге... Ги... Ме... Медее.

– Как говорится, – закончил свою уговаривательную речь отец Ольки:

– В общем:

– Так говорил Заратустра.

– Тогда я согласен, – сказал Нерон. И добавил: – Только моей жене ничего не говорите. Скандал может быть. И еще, на кладбище я тоже не поеду. Оно, конечно, хорошо. Жениться там, шампанское, шашлыки, туда-сюда, но кладбище для меня – это перебор. Не поеду.

– Ну, нет – так нет, – сказал отец Ольки. И добавил: – Для этого дела она другого жениха себе подобрала.

– Какого еще другого? – спросил Нерон.

– Настоящего, – только и мог ответить Петр.

И вот едут они на кладбище. Плачут. Да, многие плачут. Особенно Петр, отец Ольки, и мать, Вера. Боятся. Боятся, как бы их дочь Ольку за ненормальную не приняли. Но напрасно. Народу-то ведь все равно, кто кого хоронит. Лишь бы выпить. Ведь собственно, почему в стране мало мяса?

– Ибо, – как говорил Заратустра, – кому оно нужно! – Без вопросительного знака. Только восклицательный. Было бы вино! Вот если и вина еще не будет... Да, нет, так не бывает. Даже в войну... Когда ничего не было, вино было. Даже спирт был бесплатный. Эх, выпьем за родину... И в атаку.

Ну, значит, пьяный, еще больше обычного сторож, предложил похоронить мужа Ольки в свежей, только что вырытой могиле. За небольшое вознаграждение.

И они начали опускать сшитого из телогрейки, болотных сапог и дедовской шапки парня в могилу. В могилу, где лежал заброшенный ветками Сильвио.

Не успели приглашенные на церемонию гости опустить тело первого мужа в могилу, как появился второй. Сильвио давно уже – минут двадцать – лежал и думал, где сегодня он проснулся. Примерно, как Высоцкий. Просыпается, бывало, смотрит на стену, и вспоминает:

– Где я видел эти обои?

И вообще, согласно медицинским показаниям, после того, как человек проснется, надо полежать еще минут двадцать-тридцать. И как раз, видимо, для того, чтобы решить:

– Не в могиле ли он находится? – Ибо, если на самом деле в могиле, то лучше не тянуть время, и выбраться поскорей.

И Сильвио выбрался из-под веток. Многие бежали. Точнее, не многие, а все. Включая и родственников жены. Папа и мама, правда, скоро вернулись, и дрожащими губами что-то прошептали дочери на ухо. Многие могут подумать, что это были слова предупреждения:

– Что, мол, подумай хорошенько, надо ли принимать в нашу семью покойника? Пусть и бывшего..

Нет, все было проще. Именно, как простые люди, папа и мама поздравили дочь с удачным замужеством. Ее план Б сработал. А какой был план? Если кто забыл, то я напомним ключевые слова:

– Теория вероятности. – Согласно этой научной теории среди всех – или почти всех – жителей этого благородного города когда-нибудь найдется хоть один, способный стать любимым мужем нашей Принцессы. Нет, ее не стали так звать после замужества. Ей дали имя настоящей жены Короля Артура:

– Медея. – Может быть, не совсем точно, но зато логично. Медея превращала людей в камень, а Олька, наоборот, превратила покойника в живого человека. Медея, конечно, лучше, чем Принцесса.

Первые несколько дней Сильвио – или, как его теперь называли некоторые – Король Артур, или просто:

– Артур, – ничего не помнил. Они ездили на велосипедах купаться на глубоководное озеро, ходили в лес за земляникой, или ловили линей в пруду.

– Хорошо, – сказала Мёд. Так он называл ее.

– Хорошо, да? или хорошо, нет? – спросил Арт. Так она называла его.

– Хорошо, наверное, было жить во время Саржинта и Сиккерта, – сказала Мёд.

– Почему? – спросил Арт.

– Тогда все девушки, живущие в первых десяти домах от кабака считались проститутками.

– К нам это не относится, – сказал Арт, и как раз вытащил из пруда большого линя. Очень жирного и вкусного. Что вы обычно выбираете:

– Голову или хвост? – Сильвио, или Арт, называйте, как вам будет угодно, всегда оставлял своему тестю хвост. Думал, что в хвосте больше мяса, чем в голове. И благородное семейство родителей Мёд ни разу не сказало ему об ошибке. Ведь они очень любили рыбные головы. Некоторые думают, что правильнее было бы говорить:

– Рыбы. – Не думаю. Это было бы слишком логично. Ведь головы – это практически готовые рыбные консервы, как говорил... Прошу прощения, не Заратустра на сей раз, а один рыболов-любитель. Прославившийся тем, что его сотворил один и тот же автор, который сотворил позднее и Льва Толстого. На полном серьезе, без вымысла.

– А что бы ты сделал, если бы узнал, что раньше я была проституткой? – спросила Мёд.

– А при чем здесь ты? – спросил Арт.

– Ну, ты хоть видел меня полностью голой? – спросила Мёд.

– Нет, – ответил Арт. – Я всегда вижу только половину тебя.

– Ну так посмотри, – сказала Мёд. Она разделась и несколько раз повернулась кругом. – Что? Как? – спросила она. И сама же ответила: – С такой фигурой легко быть проституткой.

– Почему?

– Ну всем же нравится. Не правда ли?

– Думаю, да. Хорошо, что мне повезло, – добавил Арт, – что не успела ей стать. Ведь ты уже встретила меня.

Она не стала разыгрывать любознательного ученого. Не стала спрашивать:

– Ну, а все-таки, что бы ты сделал, если бы узнал, что я была проституткой? Пусть не специально, не в поисках приключений, как некоторые, а для того, чтобы найти любимого мужа. Ну, хоть что-нибудь ты сказал бы?

Или нет?

Она больше ничего не сказала, но стала думать, как бы избавить Сильвио от возможных завистников, которые могут рассказать ему даже некоторые подробности ее сексуальных способностей. Как-то:

– Она придумала резинку, с помощью которой быстро сбрасывала поклонников, от которых боялась забеременеть. Сказать после таких подробностей, что все это вранье, у нее бы язык не повернулся.

Надо было предпринять какие-то меры, чтобы обезопасить Сильвио от бесполезной уже информации. Так-то она была даже рада, когда о ней рассказывали удивительные вещи. После этих рассказов поклонники даже записывались на нее в очередь. Другие записывались на ковры, жигули, москвичи, а некоторые:

– На Ольку.

Зачем приехал молодой Борис Бер? Хороший вопрос.

Он приехал купить три вещи. Как-то:

– Золотой гребень, серебряную кружку и изумрудную ложку.

Купить у Сильвио. Борис Бер пришел в дом у реки, где жил Сильвио со своей Олькой, и спросил... Точнее, хотел спросить, но не спросил, потому что в доме никого не было. Но его заметили сквозь щели в заборе мать и отец Ольки. Дело в том, что они разделили дом пополам, поставили даже забор, чтобы молодые могли жить отдельно. Как в своем собственном доме.

– Они на берегу озера, – крикнула мать через щель в заборе.

– Они катаются на лодке по озеру, – сказал отец.

– Они хотят поймать большую рыбу к ужину, – сказала мать.

– Или несколько штук поменьше, – добавил отец.

– Вы останетесь на ужин? – спросила Вера.

– Обязательно оставайтесь, – сказал Петр.

– Мы готовим рыбу прямо на огне, – сказала Вера. – Здесь в саду.

– Сразу целый большой таз.

– Оставайтесь, достанется всем.

– Останусь, спасибо, – ответил Борис, выслушав все предложения. – Но сначала я хочу найти Сильвио.

– Сильвио? – спросила мать. И добавила: – А мы, кажется, такого не знаем.

– Да, – подтвердил отец. Но потом спохватился. – Это он так называет Арта.

– Да, да, – я тоже вспомнила, – сказала Вера. – Иногда он называет себя Сильвио.

– Только недавно начал, – сказал Петр Васильевич.

– А так, по праздникам, мы зовем его Король Артур, – сказала Вера Ивановна.

Борис Бер вышел на берег. Ближе к другому берегу плавала лодка, но на ней никого не было. Он закурил сигару, вынул маленький термос с кофе.

– Чушь какая-то, – сказал он через пять минут. – Лодка плавает, а людей нет. Ну, не утонули же они? – Он начал уже думать о возможности обитания в этом озере чудовища, когда услышал смех. Артур и Ольга бежали к берегу через небольшое поле. Очевидно, что они решили сделать перерыв в рыбной ловле, чтобы заняться сексом в расположенном неподалеку лесу.

– Так мы никогда не наловим много рыбы, – сказала Ольга.

– Ты права, – сказал Сильвио. – Надо делать это по очереди.

– Как это:

– По очереди? Один ловит, а другой занимается сексом? А как это? В одиночестве? Я не совсем понимаю, – сказала Ольга.

– Я сам не понимаю, – сказал Сильвио.

– Зачем тогда говоришь?

– Я просто делаю шаг в этом направлении. Ибо рыба-то нам тоже нужна.

Тут они замечают на другом берегу Бориса Бера. По доброте душевной Ольга машет ему.

– Это твой знакомый? – спрашивает Сильвио.

– Нет. Но, думаю, он ищет нас. Не случайно же он здесь оказался.

– Хотите с нами ловить рыбу?! – крикнула она.

– Ес!

– Что он сказал? Что хочет есть?

– Видимо, да, – сказал Сильвио. Он понимал, что незнакомец ищет его. – Ну не Ольку же? Хотя с другой стороны, может быть, у нее есть тайны? Да, нет, я уверен, что этот парень приехал из-за меня. – Он не сказал это. И Ольга ничего не услышала.

– Мы не сможем подплыть к тому месту, где вы стоите! – крикнула Ольга. – Пройдите вперед.

Пришлось идти метров сто. Наконец, он сел в лодку.

– Вы к кому приехали? – спросила Ольга, – ко мне или к нему?

– К вам, – дипломатично ответил Борис Бер. – Но не скажу больше ни слова до тех пор, пока не наловим достаточно рыбы. Здесь какая ловится? Треска? Или навага?

Ольга рассмеялась. Но Сильвио почему-то было не смеха.

– Неужели вы не знаете ни каких других рыб? – спросил он.

– И это правда, – сказал Борис. И добавил: – Если не считать семгу и осетра. И еще какая-то рыба есть... пиранья, – добавил он.

Все рассмеялись. Скоро они наловили много рыбы.

– Фантастика, – сказал Борис, – почти как на Белом море: закинул и почти тут же: на тебе – рыба.

– Никакой фантастики. Мы сами эту рыбу выращиваем, – сказала Ольга. – И знаем секрет, как ловить ее.

– Какой секрет? – спросил Борис.

– Специальная наживка. Рыба приучена только к ней.

– Вы мне скажете этот секрет? – спросил Борис.

– Ни в коем случае, – ответила Ольга, – это семейная тайна. Если узнают местные – все, конец. Можно сказать даже:

– Пиздец, – придет этой рыбе. Вы не знаете, какие тут живут ухарцы. Поэтому, извините, секрет есть секрет.

– А вы сюда не за этим ли секретом приехали? – спросил Сильвио.

– Нет, у меня другое дело. – И добавил: – Может быть, пожарим рыбу здесь, на берегу? Мне с... с вашим мужем поговорить надо. Без посторонних.

– Я не посторонняя.

– Конечно, нет. Но больше знать об этом никто не должен. Это большой секрет.

– Большой? Больше, чем наш, рыбный? – спросила Ольга уже на берегу.

– Больше, – ответил Борис.

Они нажарили целый таз рыбы. И ели ее без вина.

– Первый раз в жизни ем рыбу без вина, – сказал Борис. – И первый раз в таком количестве.

– Так, какое у вас ко мне дело? – наконец счел уместным спросить Сильвио.

– У меня есть деньги, – сказал Борис. Он вынул и показал двадцать тысяч рублей. Они были зашиты в пояс.

– На эти деньги можно купить все, – сказала Ольга.

– Мне и нужно все, – сказал Бер. – И это все у вас, – он улыбнулся Сильвио, – есть.

– За такие деньги мы обязательно вам Это продадим, – сказала Ольга. – Но только что Это? – Артур, – обратилась она к мужу, – у тебя есть Это?

– Ничего такого дорогого у меня нет, – сказал муж.

– Вы подумайте хорошенько, – сказал Борис. – Уверен, что есть.

– Нет, – повторил Сильвио, и развел руки в стороны. – Общайте.

Ольга рассмеялась.

– Общайте, говорит! Смешно. Сильвио, это должно быть что-то очень большое. В карман не уместится. Ведь правильно я говорю? – она посмотрела на Сильвио. Это должно быть что-то такое огромное, как дом. Или как это озеро. На эти деньги мы могли бы купить это озеро, Сильвио. Правда?

– Правда, – ответил Бер. И добавил: – Если бы оно продавалось.

– У вас есть три вещи, – опять начал он, – за которые я прямо сейчас отдам вам эти двадцать пять тысяч.

Сильвио молчал.

– Это большие деньги, – сказал Бер. И добавил: – Если вы не разбираетесь в деньгах, то поверь хотя бы мне: это очень большие деньги. Ну, так как? Берете?

– Берем, конечно, – сказала Ольга. – И да:

– Можно, я пересчитаю деньги? Нет, не бойтесь, я распечатывать пачки не буду. Я только сосчитаю пачки и проверю, нет ли среди них кукол. Ну, как, вы не против?

– Разумеется. Хотя я гарантирую вам подлинность.

– Мне приятно будет проверить, – сказала Ольга.

– Да что проверять? – сказал Сильвио.

– Почему бы не проверить? – улыбнулся Бер. – Я сам знаю:

– Это приятное занятие.

– У вас есть еще сигары? – спросил Сильвио. – Дайте мне одну. Подлиннее. – Он прикурил длинную и толстую сигару, затянулся и сказал, что у него нет ничего такого, что можно бы продать.

– Как же? Я вам сейчас назову три вещи, и вы тогда ответите мне, есть они у вас, или, как вы говорите, нет. Итак:

– Это золотой гребень, серебряная кружка и изумрудная ложка. Ну, как? Я угадал?

– Подождите, подождите! – воскликнул Сильвио, – у меня ничего этого нет. Уверяю вас. Уверяю вас.

– Напрасно вы мне не доверяете, – сказал Борис Бер. – Никто больше меня не даст. Не говоря уже о том, что вас могут обмануть. Послушайте, зачем они вам? Вы в этом все равно ничего не понимаете.

Сильвио выпустил четыре кольца дыма, и сказал:

– Не могу научиться выпускать восьмерки. Вы не знаете, как они делаются?

– Что? Прости те, я, может быть, и знаю, но вам не скажу. Вы ведь не хотите продать мне то, что вам абсолютно не нужно.

– Человек так просит, – сказала Ольга, – может быть, продать ему эту расческу и эмалированную кружку с ложкой? Я бы, наверное, продала. Нет, ну если не хочешь – не продавай. Если бы я не хотела что-то продавать, ни за что не продала бы. Вы уж извините, Борис, но если, оказывается, нам самим нужны эти вещи, то продать мы их не можем.

– Почему?

– Ну... не знаю. Возможно, они имеют археолого-историческую ценность. А это совсем другие деньги.

Борис схватился за голову.

– Я вам повторяю, – сказал он, – что какую бы ценность эти вещи не имели – продать их дороже, чем предлагаю я, вам не удастся.

– А что такого страшного может случиться? – спросила Ольга.

– Да вас просто грохнут – вот все.

– Да, значит, эти вещи стоят двадцать пять тысяч. Извините, Борис, мне очень жаль, что у нас их нет.

– Сильвио, я научу вас делать восьмерки. Только продайте мне то, что я прошу.

Тут Сильвио упал на колени и начал молиться. Это было как-то непривычно. Олька даже подумала, что парень, ее собственный муж, дуркует. Но зачем?

Сильвио действительно молился. Он как будто включил проектор, и стал быстро вспоминать события последних дней.

– Все это было, было, было, – шептал он.

– Ты чего, Арт?! – ужаснулась Олька.

– Подожди, подожди, – быстро сказал парень, – сейчас я досмотрю... сейчас я только досмотрю.

Глава шестая

Сильвио вспомнил. Он вспомнил, что у него было эти вещи.

– Да, у меня были эти вещи, – сказал он. – Но не все.

– Чего не было? – спросил Бер. Правда, пока что он не верил в это. Наверное, ложку решил оставить себе.

– Ложки не было, – сказал Сильвио.

– Я так и знал, – не смог удержаться от восклицания Борис. – Ты хочешь оставить ложку себе. Пойми, мне нужны все три вещи. У тебя... Они у тебя?

Борис не мог успокоиться. Он крутился на одной ноге, приседал, делал стойку на руках. Рассказывал много интересного. Как Цицерон. Он даже остался ночевать у них. А это для обоих молодоженов было большой потерей, ибо они делали все по науке:

– Секс три раза в неделю – не больше. И каждый раз из трех – не более трех раз. Но и не менее. А жизнь есть жизнь – настрой мог быть не всегда. А надо! Как говорил Дюма-отец своему Дюма-сыну:

– Хочешь – не хочешь, а делать ты должен это каждый день. – Каждый день! Здесь требования были более умеренные, но тоже:

– Три по три в неделю, умножаем на четыре недели. Это уже тридцать шесть раз в месяц. Плюс еще два-три дня по желанию. Ну, много, много все равно. И хотя Дюма-отец учил Дюма-сына не только сексу, и не столько сексу, а совсем другому ремеслу, все равно посторонним в этих делах не место.

А тут Борис навязался ночевать! Это все равно, что предложить Измайлову или Сычеву напиться перед решающим матчем на Олимпийских играх. Ведь потом будут говорить:

– Ну куда ты пас даешь? – И можно бы легко ответить:

– На ход. На ход напарника! – И все.

А приходится посылать на три буквы. Из-за этого легко расстроиться. И тогда игра вообще не пойдет. Удар, резаный удар в девятку. Мимо. Ну, что ты будешь делать? Мимо. Всегда точно в девятку, а тут на Олимпийских играх и...и ничего не выходит. Хотя, что значит, не выходит? Все нормально, все выходит. Просто люди, не понимающие ничего в футболе, хотя числящиеся тренерами, мешают, практически не дают играть.

Так и Борис, хотя и спал в другой комнате, каждые пятнадцать минут давал нелепые советы. И хоть бы про секс! Нет, он все советовал, как теперь найти три магических – по его словам – предмета.

– Или вы их и не теряли? – прибежал он уже в десятый раз с новым предположением.

– Разве вы забыли, что уже говорили это? – спросила Олька. Она едва успела прикрыться одеялом.

– Простите, – наконец не выдержала она, – но у нас научный метод.

– Талантливым людям не нужна наука, – сказал Борис Бер. – У вас и так все получится.

– Нет, нет, у нас режим, – поддержал жену Сильвио. – Пожалуйста, ложитесь спать. Дайте нам насладиться этим по программе.

Когда Борис удалился в свою комнату, Олька сказала, что завтра надо вставить замок:

– В эту дверь.

– У нас никогда не бывает гостей, – сказал Сильвио. – Зачем нам замок?

Обычно после секса они спали в разных комнатах. Отсутствие замка позволяло им чувствовать себя мужем и женой даже в разных комнатах. Замок мог не то что разделить их, скорее, наоборот, замок мог возбуждать дополнительное желание. Желание перевыполнить норму. Как Любовь Орлова. Сначала скромно на шестнадцати станках, потом на ста пятидесяти, а дальше уже и на двести сорока. Наука против этого. Рекорды – это хорошо, они показывают нам путь в светлое будущее. Но ведь, друзья мои, и меру знать надо. А то ведь можно достукаться до того, что вам, как Михаилу Зощенко и пенсию не назначат.

– Жаль, меня никто не спросил, – сказал Борис, – я бы назначил пенсию и Михаилу Булгакову, и Михаилу Зощенко, и Михаилу Горькому. А также Сычеву и Измайлову. Ведь сколько радости они доставили людям! И не сосчитать.

– Мне бы только начать удачно, – сказал он, – а для этого мне нужны только три вещи. В конце концов, Оля разозлилась. Она сказала:

– Ну, неужели вы не можете представить, что мы готовимся к Олимпийским играм?

– Нет.

– Тогда считайте, что это и есть Олимпийские игры. Неужели это так трудно?

После этих слов Борис, наконец, заснул, и они смогли, хоть и с опозданием, выполнить план. И, конечно, не на двухстах сорока станках. Как Любовь Орлова, но на ста пятидесяти это точно.

Утром Борис проспал завтрак. Его не стали будить. Этот парень так надоел им вчера, что они просто боялись его будить.

– Он такой зануда, – сказала Оля. – Я таких людей даже себе не представляла. – Потом она сказала:

– Это же надо до такого додуматься, что у нас есть золотой гребень, серебряная кружка, изумрудная ложка. Я ничего не напутала?

– Нет, – ответил Сильвио. И добавил: – Они действительно у меня были.

– Да? А где они теперь?

– Еще точно не знаю. Но, думаю, вспомню в ближайшее время. Понимаешь, мне просто надо немного времени, чтобы вспомнить всё.

– Всё? – спросил, появляясь на ступеньках дома, Борис Бер.

– Вы нас напугали, – сказала Оля. Она как раз стояла у мангала, и первая увидела Бориса в одних трусах, потягивающегося на ступеньках.

– Все, что было в последние дни, – сказал Сильвио. – Я это почти чувствую.

Далее, Сильвио вспоминает, что на квартире у Та, вещи еще были у него. По крайней мере, золотой гребень и серебряная кружка.

Та ушла на работу, а Ленка Пантелеев на почту. Он доложил Абелью, что:

– Дело сделано.

– Сделано как? – спросил начальник.

– Бабушка приехала, – ответил Ленка.

– Что? Повтори, пожалуйста, что ты сказал?

– Дело сделано.

– Нет, после этого.

– Я больше ничего не говорил, – пожал плечами Ленка.

– Как не говорил? А про бабушку? Что ты сказал про бабушку? Ты сказал:

– Бабушка приехала?

– А что не так? Да, я это говорил. Я имел в виду, что... Ну, вы понимаете?

– Нет, я не понимаю. Ибо:

– Если бабушка приехала, то ты не выполнил задание. А ты так говоришь, как будто все у тебя получилось.

– Я не могу говорить открытым текстом. Вы сами сказали, что надо соблюдать конспирацию.

– Да, конечно. Но не до такой же степени, чтобы я ничего не понял. Как ты считаешь?

– Я считаю...

– Меня не интересует, что ты обычно делаешь. Давай так: одного мы назовем тараканом, а другого мухой. И ты спокойно, без оглядки на контрразведку, ответишь, кого ты убил. Окей?

– Понятно. Значит, первый это таракан, а второй – муха. Далее, ответ?

– Да.

– Таракан.

– Что таракан? Прекрати мямлить! Отвечай, пожалуйста, полным ответом.

– Я отравил таракана. Как? По рецепту Агаты Кристи, которые в последнее время стали прилагаться к романам в качестве рекламного средства.

– Значит, первый таракан? – решил уточнить ситуацию Абель. – Но я так и не понял, кто был первым?

– Я не могу сказать, – ответил Ленька.

– Нет! Хватит этого балагана! – рявкнул Абель. На той стороне провода, он сделал себе летний грог из рома, воды и ароматных трав. – Говорят, хорошо для сердца.

– Что? – не понял Ленька Пантелеев.

– Это я не тебе. И да:

– Говори, мать твою, прямым текстом!

– Но нас могут подслушать.

– Да кому ты нужен.

– Нет, про себя-то я молчу. Вас могут слушать.

– А я говорить ничего не буду. Говори ты.

– Окей. Первый это Сильвио. Я вам уже говорил, он так себя называет. Так этот Сильвио и есть таракан, которого я отправил к бабушке. По рецепту Агаты Кристи. А именно: подсыпал ему в еду изотопов урана. Двойную дозу.

– Хорошо. А муха? – Абель выпил сразу два глотка летнего грога. – Вкусно! Еще бы раков.

– Что?

– Я говорю, раки у вас там водятся?

– Я не знаю.

– Не знаешь? Ну, ладно, что там насчет мухи?

– Не знаю. Я его не видел.

– Чем ты там, мать твою, занимаешься? Если ни хера не знаешь ни про раков, ни про муху.

– Если вы так часто будете говорить про муху, могут подумать, что мы говорим про гра-
натомет муху. А это секретная информация.

– Меня не интересует, что они обычно думают. Запомни только одно:

– Я скоро сам приеду. Пока что его не трогай, только приготовь к моему приезду.

– Приготовить да, или приготовить нет?

– Приготовить нет. Ты понял?

– Понял. Убивать не надо. Просто нейтрализовать на нейтральной территории. Я бы назвал эту операцию:

- Муха в сачке.
- Слишком длинно, – сказал Абель. – Операция будет называться просто:
- Набоков.
- Лучше:
- Ловец бабочек.
- Не подходит. Слишком длинно.
- Тогда Lolita.
- Чем это лучше? – спросил Абель и допил сразу весь летний грог.
- Никто не подумает сразу на Набокова.
- Ты думаешь, что Набоков и Lolita две вещи несовместные?

– Знаете, что? Вы задаете мне такие вопросы по телефону, что местная контрразведка уж могла составить на меня полное досье. Это, во-первых. А во-вторых, у меня уже не хватит денег, чтобы оплатить такой длиннющий разговор. Вышлите, пожалуйста, денег.

– Я скоро сам приеду, – ответил Абель и повесил трубку телефона. Он взял стакан и посмотрел на свет. Пусто. – Что ж, – сказал он, – поеду ловить раков. – Потом добавил: – И мух. Почему во множественном числе? Муху. Действительно, похоже на гранатомет. В единственном числе.

Ленька вернулся домой. Имеется в виду, в квартиру Та. Она оставила ему ключи. Зачем? Ей жаль было выгонять мужчин. Один раз она выгнала своего мужа. И решила:

– Хватит. Больше выгонять никого не буду. – И добавила, глядя на себя в зеркало: – А то скучно. – И еще раз добавила: – Нет, если уж очень сильно достанет, то конечно. Придется выгнать.

Ленька обнаружил синюю сумку Сильвио на вешалке. Ее сюда повесила Та. Она взяла с собой серебряную кружку. Так для интереса. Хотела проверить, настоящая серебряная, или так – подделка, мельхиор. Ведь она видела эту кружку в ресторане. И сначала удивлялась, почему Сильвио пользуется своей кружкой. Потом Ин ей сказала, что нет посуды.

- Полный ресторан – не хватает.
- Так у Полины под замком есть, – ответила Та. – Новая.
- Не дает, стерва.
- Дала бы рубль.
- Просит два.
- Стерва.
- Да, блядь жадная.

Таким образом, Та взяла кружку без каких-либо подозрений насчет магических особенностей серебряной кружки. Да и вообще, в магию верили два-три человека – не больше.

Удивительно, но Та не обратила внимания на гребень.

А она подумала:

- Это китайская расческа. Откуда у простого солдата золото?

Ленька взял расческу, подул в нее и причесался. Но золота из нее не выпало. Он его и не ждал. Поэтому просто положил расческу. Но не назад в синюю сумку, а себе в нагрудный карман. Школьная привычка. Вечером он пошел в ресторан. Та, он уже считал своей:

– Телкой. – Делать ему было нечего. Абель прибудет дня через два, так что можно развлекаться.

Естественно, что Сильвио он уже не надеялся увидеть.

Но Сильвио со своей подругой, а точнее, женой тоже пошел в этот субботний вечер в ресторан. Борис пригласил. Он надеялся разговорить Сильвио в благоприятной обстановке ресторана.

Нерон, и Оловянный тоже были здесь. Они все-таки выследили Бориса. Тот зашел в гостиницу, чтобы продлить срок своего здесь пребывания. Администратор, знакомая Нерона послала гонца к Нерону, чтобы сообщить:

– Мистер Бер вернулся. – Так они его называли. И действительно для простого русского он выглядел слишком элегантно. И легко было поверить:

– У этого человека есть деньги. Бер в ресторан, и они в ресторан. А собственно, куда еще идти, если есть деньги. И никаких знаков вопросов.

У этих ребят денег не было. Можно даже сказать:

– Никогда.

Правда, обещал подъехать Мо, и заплатить, если не удастся достать денег. Оловянный и Нерон хотели сесть к Та. В случае, если Мо не придет, или придет без денег, она, может быть, дала бы в долг. И тем более, она дала бы, если бы каким-то чудесным образом у Бориса не оказалось денег. Ибо:

– Где-то они все-таки должны быть. – Дело только во времени.

Но официанты что-то переиграли, и этот стол стала обслуживать Ин. Это хуже. Ей деньги надо отдать обязательно сегодня. Иначе эта леди общепита устроит такой скандал, как будто у нее сгорел дом.

Борис понимал, что нельзя давить на клиентов. Но ничего не мог поделать с собой. Как три карты перед Германном, так и три магических предмета: золотой гребень, серебряная кружка, изумрудная ложка – неотступно были перед глазами Бориса. Он не мог отогнать это видение взмахами руки. Очевидно, что эти предметы излучал сам его мозг. Тройка, семерка, туз. Золотой гребень, серебряная кружка, изумрудная ложка.

Он потер лоб и попросил принести рыбу.

– Три рыбы, – сказал он. Они тоже сидели у Ин. Ибо Та не хотела обслуживать дурака Оловянного. Она знала, что у него обязательно не хватит денег, чтобы расплатиться по счету. Она сказала, что у нее мест нет, и посадила его и Нерона за стол к Ин. Ин готова была обслужить всех. Бывали случаи, что она брала по четыре восьмиместных стола плюс свадьбу на пятьдесят-шестьдесят человек. Работала она, как немецкий станковый пулемет:

– Тысяча двести выстрелов в минуту.

– Может быть, лучше взять мяса, Борис, – сказала Ольга. А Сильвио добавил:

– Я люблю рыбу. Но вчера мы съели столько рыбы, что сегодня лучше бы взять мяса.

– Да, конечно, – быстро сказал Бер.

– Так, что мне записать? – спросила Ин.

– Золотую котлету по-киевски, серебряного цыпленка табака и изумрудные пельмени в горшочке. – Борис совершенно спокойно посмотрел в изумленные глаза Ин. Но она, как заведенная все записала, и побежала дальше. Правда, предварительно она споткнулась о стул у противоположного стола, пробежала пару шагов на коленях, но так и написала на чеке для поваров:

– Золотая котлета по-киевски – один, серебряная кружка – один, изумрудная ложка – один.

Повара сначала начали смеяться, но довольно быстро перестали. Перестали после того, как бригадир сказала:

– Это от переработки. Нахватала столов – вот ум и не выдержал.

– Как это может быть? – спросила повариха с салатов.

– Вот так, – ответила бригадир, – уму не постижимо, как можно нахватать заказов на девяносто человек. Она носит за раз по шестнадцать больших тарелок с горячим. Мужик не поднимет. А эта прет, прет и прет.

– Она так обсчитается, – сказал повар с горячих.

– Жди, обсчитается! – сказала повар с салатов.

– Обсчитает, – сказала бригадир. И добавила: – И что самое главное:

– Обсчитает всех.

– Это точно! – сказали все хором.

– Не понимаю только, как можно было написать такую хуйню на чеках. Вы только послушайте:

– Золотой гребень – один, – представляете, только один, серебряная кружка – тоже один.

И что еще там? А! Изумрудная ложка и тоже – один.

– Игры разума, – сказал повар с горячих блюд.

– Точно, – согласились все.

Глава седьмая

Все началось с того, что на Бориса напали в туалете.

Нерон сказал, что надо... ну, не мочить, а просто отнять деньги у Бера в туалете.

– Зачем нам светиться? – спросил Оловянный. – Выйдет на улицу, и там разделаем его, как черепаху.

– Мы слишком долго его искали, – сказал Нерон. – Ускользнет. В общем, так: ты постоишь у двери, а я дам ему по балде. А хочешь, давай ты. А я постою у двери. Вообще, конечно, рискованно.

– Давай подождем до конца.

– Нет, не могу, – ответил Нерон. – Деньги ляжку жгут.

– У меня. Я чувствую, что они уже у меня.

Олька спросила Бориса:

– Вы успокоились?

– Почти. Хотя практически это невозможно. – И он обратился к Сильвио: – Ну!

– Не могу, – наконец сказал Сильвио.

– Почему?!

– Я вспомнил. Я вспомнил, что это очень дорогие вещи. – И он прошептал на ухо Борису: – Из расчески упала золотая пятерка.

– Сильвио, – сказала Ольга, – ты что там шепчешь? А? Я здесь, а ты разговариваешь шепотом. Это знаешь ли, некультурно. Что подумают люди?

– Я потом тебе расскажу.

– Потом – суп с котом, – провела Ольга свою коронную фразу. – Почему ты не рассказал об этом раньше?

– О чем?

– О том, естественно, о чем ты сейчас говорил с Борисом.

– Я сам только что, можно сказать, вспомнил, – сказал Сильвио. – Я бы рассказал тебе первой, но вот Борис очень настаивает. Ты видишь, он психует. Пришлось ему сказать сейчас, но чтобы не слышали другие. Ты видишь: все наострили уши.

– Сильвио, – строго сказала Ольга, – не выдумывай. Кому мы нужны? Здесь все заняты своим меню. И кстати, – добавила она: – Борис, ты что заказал? Ты заказал:

– Золотую котлету, серебряную... что там было серебряного, Сильвио?

– Кажется, серебряного цыпленка табака.

– И изумрудные пельмени!

– Неужели, я это заказал? – весело спросил Борис.

– Зря вы смеетесь, – сказала Ольга, – нас могут принять за каких-то деревенщин, совершенно не представляющих себе, что можно заказывать в ресторане.

– Хорошо, я скажу, – Сильвио оглянулся по сторонам, – что в серебряной кружке коньяк не кончается. – Только молчите. Вы можете заставить посторонних обратить на нас внимание. Теперь я понял, почему меня нашли на кладбище. Это не случайность.

– Не случайность, – повторил Борис, – и отломил кусочек хлеба. Он посолил его и съел. – Мне это нравится. Не случайно оказаться на кладбище. И да:

– Где наши холодные закуски?! – крикнул Борис чуть ли не на весь зал.

– Несу, несу, – радостно, на бегу ответила Ин. – Вот, пожалуйста, рыбка...

- Мы заказывали рыбу? – спросила Ольга.
- Это не обычная рыбка, – сказала Ин.
- А какая?
- Красная.
- Красная? Разве бывает красная рыба?
- Бывает, – сказала Ин. – Пожалуйста, Оливье, грибочки Кокон и Боржом.
- Мы это заказывали? – опять удивленно спросила Ольга. – Вы не ошиблись? Посмотрите там, у себя: вы правильно записали?
- Не всяко слово в строку пишется, – сказала официантка, и убежала.
- Теперь я не удивляюсь, что она не обратила внимания на изумрудные котлеты, – сказал Сильвио.
- Да я тоже поняла, – сказала Ольга, – она носит то, что считает нужным.
- Работать так легко и приятно, – сказал Борис. И добавил: – Я был в Италии, там часто так делается. Никаких заказов. Всегда:
- Получите лучшее, что есть у нас.
- Вы хотите взять у меня все, – сказал Сильвио. – Все, что у меня есть лучшего.
- Было.
- Да, было, – сказал Сильвио, – все, что было у меня хорошего. – Он осмотрелся по сторонам, потом повернулся назад.
- Что ты там увидел? – спросила Ольга. – У тебя такое лицо, как будто ты увидел чудовище в нашем озере.
- Я не могу здесь говорить, – сказал Сильвио. – Давайте выйдем в фойе, покурим.
- Курить можно и здесь, – сказал Борис. – Впрочем, изволь, выйдем.
- Я останусь здесь, – сказала Ольга, – а то могут подумать, что мы уже сбежали.
- Пусть думают, что хотят, – сказал Борис. – Мы имеем полное право выйти и покурить в фойе.
- Тем более мы имеем желание сходить в туалет, – сказал Сильвио.
- Право есть, – сказала Ольга, – но возможности наши ограничены. И знаете почему? Я буду думать, что наша официантка думает, что мы убежали.
- Мы еще ничего не ели, – сказал Борис. – И следовательно, думать она не будет. Еще не вечер, чтобы думать.
- Ну хорошо, тогда я пойду с вами.
- Они вышли и закурили около зеркал.
- Я не буду, – сказала Ольга.
- Бросила? – спросил Борис.
- Нет.
- А что тогда? У меня есть Мальборо. Будете?
- Нет.
- Почему?
- Я не курю. К сожалению.
- Нет, вы не очень меня обидели. Это ваше личное дело. Итак, вы кого-то увидели? – обратился Борис к Сильвио.
- Да. Мне кажется, это человек, который принял участие в том, что я попал на кладбище.
- Вы его знали раньше?
- Это он напал на меня в санчасти.
- Все ясно, – сказал Борис.

– Что ясно?
– Вас уже заказали. Я думал, что успею раньше. Теперь вижу, меня опередили.
– Интересно, заметил ли он нас? – спросила Ольга. – Я имею в виду тебя, – она положила руку на плечо Сильвио.
– Если не заметил, то заметит, – сказал Бер.
– Может быть, нам лучше уйти? – сказала Ольга.
– Мы должны идти на Вы, – сказал Борис. И добавил: – Иначе мы никогда не узнаем, где наши вещи с планеты Сириус.
– Вы думаете, что они с Сириуса? – спросила Ольга.
– Вы думаете, они наши? – спросил Сильвио.

– Не будем уточнять формулировки, друзья мои, – сказал Борис, – мы должны быть одной командой. Иначе нас перестреляют, как диких куропаток. Вы согласны?
– Согласны – да, или согласны – нет? – спросила Ольга.
– Дорогая леди, сейчас не время для демагогий, – сказал Борис. – И давайте объединимся.
– Да мы уже объединились, – сказал Сильвио. – Дорогая, думаю, мы не против.
– Думаю, да, – сказала Ольга, – ведь у этого парня есть деньги. – Она положила вторую руку на плечо Бориса, и добавила:

– К сожалению, не так много, как ожидалось.
– У меня будут еще деньги, – сказал Борис. И добавил: – Вы идите в зал, а я, извините, зайду в туалет.

Далее, он заходит в туалет, а там уже сидят в кабинках Нерон и Оловянный.

Борис был ближе к кабинке, где стоял Оловянный. Но Оловянный никак не мог решиться первым напасть. Просто на просто он боялся. Борис уже начал застегивать ширинку. Вот-вот он повернется. Когда Нерон распахнул свою кабинку Борис уже начал поворачиваться. Нерон сказал:

– Ну, ты че, козел, обоссался?

Борису не удалось собраться с мыслями, чтобы достойно ответить на этот вопрос. Тем более, что он и относился-то не к нему, а к все еще скрывавшемуся за дверью Оловянному. Борис получил удар пудового кулака в челюсть. Тут послышались шаги. В туалет вошел кто-то еще. Нерон двинулся навстречу, чтобы задержать нового посетителя. Перед поворотом он обернулся и с изумлением увидел, что Борис приподнялся на одно колено. Он понял, что уже не успеет вернуться и добить клиента. Тогда Нерон заорал:

– Оловянный, мать твою! – И этих слов, наконец, хватило, чтобы вывести капитана из летаргического сна. Борис даже не успел повернуть голову в его сторону. Ну, не думал же он, что его тут пасет целая банда. И Оловянный ударом в лоб опять уложил Богатенького Буратино около писсуара. Он так и сказал:

– Сегодня ты приезжий, Богатенький Буратино. У меня еще никто не уползал.

– Слишком много базаришь, – негромко сказал Нерон. И добавил: – Гроссе бандит. – И он перекрыл путь уже собравшемуся повернуть посетителю туалета. – Позвоните, пожалуйста, в скорую помощь, – сказал он, – клиенту плохо стало.

И мужчина в галстук, несмотря на большое желание зайти в туалет, послушно повернул назад и двинулся к телефону-автомату. Хотя он мог бы совершенно спокойно сказать:

– Да вы сами идите и позвоните. Телефон-то вон он, на стене висит. Но врожденный культурный образ мыслей не позволил ему отказать Нерону. Этот парень был начальником

цеха на заводе, и Нерона он знал. И Нерон как-то с ним знакомился, но забыл. Ну, или ему показалось, что забыл. Так бывает.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.